

ЗА СОРОК ЛЕТ.

Минуло сорок лет со времени начала последнего польского восстания¹. Польская демократия, рассеянная по всем концам Европы и Америки, вспоминает о своих славных героях, о бесчисленных жертвах своей национальной борьбы. А для русского человека день сорокалетия польского восстания говорит об одном из печальнейших моментов истории его родины, напоминает о неискупленных преступлениях, о позорных подвигах, совершенных во имя русского народа.

Феодальная Европа покоилась не только на порабощении всех «низших» классов дворянством, церковью и монархами, но и на порабощении целых наций несколькими сильными государствами. Сословный гнет внутри этих «счастливых» государств поддерживался их тиранническим господством над частью завоеванными, частью поставленными в полную политическую зависимость слабыми нациями. И когда буря великой французской революции разбудила от политической дремоты западноевропейские народы, она одновременно вызвала к жизни и демократическое движение против монархии, против дворянства и церкви и национально-освободительное движение наций порабощенных против чужеземных государств-поработителей.

Исторической задачей политических движений XIX века стало утвердить в социально-политическом устройстве государств принципы демократической свободы, а вместе с тем уничтожить старую, феодально-бюрократическими интересами обусловленную национальную группировку, чтобы водворить на ее месте начала свободного самоназначения и самоуправления европейских народностей. Идея демократии слилась с идеей национального освобождения, и европейская демократия с полным правом увидела своих главных врагов в Австрийской, Прусской и Российской монархиях, основавших свое могущество на раздроблении, уничтожении и порабощении немецкой, итальянской, польской и других наций.

Освобождение Польши, разделенной между тремя отсталыми государствами, стало в сознании европейской демократии важнейшим моментом в деле освобождения всего угнетенного человечества. Освобождение Польши означало освобождение всей Европы от реакционного кошмара, от тираннического владычества пропитанных средневековым монархизмом и прежде всего — России, этого «европейского жандарма», могущество которого означало вечную опасность для дела свободы. Раздробить, уничтожить, «отбросить в Азию» русское чудовище — значило бесконечно ослабить силу сопротивления европейской реакции перед революционным напором.

И когда польский народ в 1863 г. вновь попытался свергнуть с себя владычество русской короны, к его

отчаянной героической борьбе с живейшим сочувствием отнеслась вся революционная Европа. Но к этому времени сама европейская демократия перестала быть единой, а потому и утратила часть своей прежней силы. Буржуазия, стоявшая в первой половине XIX века во главе демократических движений, изменила делу свободы, когда увидела позади себя быстро формировавшийся пролетариат. Перед красным призраком социализма не устояло свободолюбие буржуазии, и она, отказавшись от завершения начатого ею исторического дела, спешила заключить союз с недобитым своим врагом — с дворянством, монархией и церковью, с бюрократическим и военным государством. Она предала реакционным силам борцов за политическую свободу, она предала им и борцов за национальное освобождение. Оставленные буржуазной Европой, поляки должны были на своих плечах вынести борьбу с чудовищем русского царизма. Освободившись от страха перед Европой, царизм с неслыханным варварством подавил восстание. Расстрелы и виселицы, конфискации и массовые ссылки, нагайка и изгнание — этими обычными мерами водворялся в Польше «порядок». После 16 месяцев борьбы, исполненной удивительного героизма, поляки были побеждены.

Они пытались перебросить восстание в самое сердце своего поработителя. Они обратились к только-что освобождавшейся от крепостного ига молодой России, к русской демократии. «За вольность нашу и вашу!» писали повстанцы на своем боевом знамени. Тщетно! Напрасно властитель дум тогдашних передовых русских людей — А. И. Герцен — призывал русское общество понять, что успех польского восстания двинет вперед дело русской свободы. Напрасно немногие русские революционные кружки того времени пытались разбудить крестьянскую массу, чтобы парализовать силу правительства. Только небольшой слой русской революционной молодежи и офицерства встал на помощь повстанцам. Русское «либеральное» общество пошло не за Герценом, а за Катковым², его демократизм не выдержал испытания; пропитанное рабскими традициями, русское общество дало себя опьянить лживой песнью о «русском национальном деле». И немногие русские демократы-революционеры — Потебня³ и др. — остались одиночками. Они сложили свои головы в рядах польских повстанцев или на эшафоте, спасая честь русского народа.

Еще раз Польша была раздавлена, еще раз надежда польских патриотов была безжалостно обманута. Еще раз реакционная волна прокатилась по Европе и России. Вернувшиеся с театра восстания российские «ташкентцы»⁴ стали искоренять русскую «крамолу» и обрызганный польской кровью Муравьев-Вешатель⁵ вскоре стал все-

российским жандармским диктатором. А на Западе опозорившая себя еще одним предательством буржуазия продолжала идти по пути сделок с абсолютизмом и в союзе с ним бороться с демократией. Дело свободы отныне имело за себя только одну мировую силу, но зато такую, которая способна довести его до конца. Этой силой явился пролетариат.

Собранная для выражения сочувствия польскому восстанию конференция из представителей рабочих разных стран положила в 1864 году начало «Международному Обществу Рабочих», благодаря которому идеи революционного социализма в короткое время овладели европейским и американским пролетариатом. Объединяясь в самостоятельную политическую партию, международный пролетариат брал на себя осуществление исторических задач, оставшихся невыполненными буржуазией, и в числе их — освобождение национальностей, поработанных реакционными государствами.

Освободить Европу от владычества главнейшего из этих государств — России, а для этого освободить Польшу, так формулировалась эта демократическая задача международного социализма. Дело Польши стало делом пролетариата, и дело европейского пролетариата стало своим для передовых польских революционеров, как Домбровский⁶ и др., боровшиеся и павшие в рядах парижских коммунаров.

Рабочему движению Европы не удалось до сих пор паразитить русское самодержавие и освободить цивилизованный мир от этого оплота всякой реакции. Но то, чего не сделала революционная сила международного пролетариата, отчасти уже сделано силой экономического развития. Оно проложило себе путь в Россию и преобразовало ее общественные отношения. Оно расшатало старинный социальный уклад и создало условия, в которых могло развиваться современное революционное движение. Прошло тридцать лет со времени польского восстания, и русское самодержавие приобрело себе опасного врага в собственной стране — российский пролетариат, который так быстро формируется в громадную революционную силу.

Эта сила сломит царское самодержавие, она сделает то, чего не удалось сделать европейской демократии и польской революции.

Хозяйничающая в европейских странах буржуазия все более и более сближается с общественной реакцией и забывает интересы свободы. И пока эта буржуазия господствует в политической жизни Европы, нет никакой надежды на радикальное решение тех национальных вопросов, которые история оставила пролетариату в наследство. Только социальная революция пролетариата положит конец всем видам общественного гнета, в том числе и гнета национального.

Свержение русского самодержавия нанесет сильный удар европейской реакции и будет прологом пролетарской социальной революции. Надежда европейской демократии на то, что ее победа над царизмом будет достигнута в Варшаве, не оправдалась историей. Ей не удалось «отбросить за Урал» русский абсолютизм. Но та самая сила, которая предала дело демократии, — европейский капитализм, — подточила могущество российского колосса и сделала то, что царизм получил непобедимых внутренних врагов во всех концах России — вплоть до

Урала и даже за Уралом. Смертельный удар царизму будет нанесен одновременно и в Варшаве, и в Петербурге, и в Москве, и везде в империи, где армия международного социализма имеет свои отряды. Историческая миссия освобождения Европы от царистского чудовища перешла от демократической Польши к пролетариату всей России.

Лелеянный повстанцами 1863 г., Герценом и борцами «Земли и Воли» союз русских и польских демократов не осуществился в те годы. Спустя полвека он осуществится как союз польского и русского пролетариата во имя требования демократической республики, которая обеспечит всем нациям право свободного самоопределения.

[Л. Мартов]

ЕЩЕ О РОСТОВСКОЙ СТАЧКЕ.

«Революционная Россия», которая находит, что непозволительно пользоваться ростовскими событиями как предлогом для сведения счетов между разными фракциями нашей революционной партии, не устояла, однако, перед искушением кинуть, по поводу этих событий, несколько камешков в огород русской социал-демократии. Она поместила корреспонденцию, изображающую действия нашего Донского Комитета в совершенно ложном свете, а в передовой статье преподнесла читателям длинное рассуждение о том, как не следует поступать во время движений, подобных ростовскому. Из этого рассуждения безо всяких «счетов», как бы само собой выходит, что не следует поступать именно так, как поступал наш Донской Комитет... если верить г. корреспонденту.

Вот посмотрите сами. Корреспондент «Р. Р.» утверждает, что Донской Комитет в своей агитации не выходил из рамок чисто экономических вопросов; с своей стороны, автор передовой статьи, совершенно позабыв все «минутные расчеты междуфракционной политики», а просто желая объяснить, какую тактику рекомендовали бы его единомышленники, пишет: «Для тысячных толп рабочих изъезженная колея мирной, «чисто экономической» стачки теперь слишком узка, и если ее не покидают сами рабочие, — является полиция, являются войска и выгоняют их силою из этой колен». Корреспондент повествует о том, что на одной из сходок Комитет старался «сдерживать рабочих, водворить полное спокойствие и хладнокровие», между тем как настроение участников сходки «сильно подымалось, искало выхода в чем-нибудь активном»; автор передовой статьи, отнюдь не желая намекать на кого бы то ни было, а так себе, вообще, подпекает: «Говорить рабочей массе: веди себя смирно и спокойно, но стойко, бастуй, пока не уважены твои требования, — сим победишь! — теперь не приходится». Корреспондент очень недоволен тем, что наш Комитет не повел рабочих в город на демонстрацию; автор передовой статьи «Революционной России» очень кстати высказывает такую общую мысль: «Положение вовсе не таково, чтобы нам представлялось на выбор: или мирная, спокойная стачка, или бурная, сопровождаемая столкновением демонстрация». Видите, как удивительно тонко выходит!

Автор передовой статьи не порицает никого из действовавших в Ростове. Он просто высказывает свое мнение о том, как надо пользоваться событиями; вроде ростовских, и как пользовались бы ими соц.-рев. А корреспондент описывает, как повели дело ростовские соц.-дем., и каждую вообще высказанную мысль передовой статьи подтверждает примером того или другого тактического промаха Донского Комитета. И подтверждает совсем неумышленно. Помилуйте! Он тоже чужд «минутных расчетов междуфракционной распри». Тут не более, как совпадение, полная гармония между тем, что описывает один, и тем, что думает вслух другой. И эта гармония так поражает читателя, так настраивает его против с.-дем. и в поэзу их противников, что он восклицает: «Жаль, очень жаль, что влияние Д. К. на рабочих было так сильно! Досадно, очень досадно, что соц.-рев. блистали своим отсутствием именно там, где они были так нужны!» И расстроенный читатель отдыхает душой только тогда, когда прочитывает следующие успокоительные строки: «Придавая весьма важное значение экономической борьбе пролетариата и принимая на себя руководство этой борьбой, мы нравственно обязаны не раскрывать перед рабочими обманчивых, слишком радужно окрашенных перспектив». «Р. Р.» не только придает важное значение экономической борьбе пролетариата, но и «принимает на себя руководство» ею. Какое счастье! Теперь все пойдет хорошо!

Плохо только то, что описание ростовских событий, сделанное корреспондентом «Р. Р.», не соответствует истине, а потому указанная нами отрадная и поучительная гармония приобретает такой вид, как будто она была предустановлена, и предустановлена не при сотворении мира, а совсем, совсем недавно, почти на-днях, и не в силу тех общих метафизических причин, которым обязана своим происхождением гармония, открытая Лейбницем⁷, а именно ради «минутных расчетов междуфракционной политики». А потому и впечатление, производимое ею, получает совсем другой и вовсе не «радужный» характер. Кто знает, как в самом деле агитировал наш Донской Комитет, тот ясно видит, что публицисты «Р. Р.» больше руководствуются «минутными расчетами междуфракционной политики» именно тогда, когда они закатывают глаза вверх, бьют себя в перси и кричат, что они не думают ни о чем, кроме истины. «Р. Р.» выразила однажды резкое отвращение к полемике à la Буренин⁸. Мы понимаем ее. Она предпочитает полемизировать в духе одного из славных представителей славного рода Головулевых⁹...

Правдолюбивый и хорошо осведомленный корреспондент «Рев. Росс.» сообщает, что Донской Комитет «поспешил вмешаться» в стачку, когда она уже началась без его ведома. Это неверно. Не говоря уже о том, что стачке предшествовали многочисленные прокламации Комитета, призывавшие рабочих к борьбе с их эксплуататорами, надо заметить, что едва заволновались рабочие котельного цеха, Комитет тотчас же был извещен об этом своим человеком и немедленно принялся агитировать в пользу забастовки во всех мастерских. Если его агитация не осталась безуспешной, то этим он обязан был организованному рабочим, которые находились с ним в непрерывных сношениях. Так ли ведут себя люди, «идущие в хвосте событий»? Совсем не так. Но какое

дело до всего этого корреспонденту «Р. Р.»? Какое дело до всего этого ее редакции? Как бы ни вел себя наш Донской Комитет; как бы ни были трудны те условия, при которых происходила его многолетняя, упорная и плодотворная работа, — в глазах «товарищей» из лагеря так называемых социалистов-революционеров он всегда будет виновен уже одним тем, что носит название социал-демократического Комитета. Соц.-демократы всегда идут «во хвосте событий»; они всегда преисполнены «квинтэссенции». Это известно всем беззубым старушкам русской легальной и нелегальной литературы.

«Правда, в Ростове не было Комитета нашей Партии, — рассказывает автор передовой статьи; — но были там, как и везде, элементы, тяготеющие ко взглядам и методу действий, которым теперь обычно присвоивается имя «социал-революционных». Там даже образовался был небольшой кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться в стачку и выпустивший прокламацию, за подписью «группы соц.-революционеров». Как ни была мимолетна эта попытка, но и в ней обнаружилась одна характерная особенность всех людей и кружков, тяготеющих — несмотря на те или другие индивидуальные оттенки — к социально-революционным течениям».

Во всей этой тираде несомненно только то, что «элементы», симпатичные «Р. Р.», не имели никаких связей в ростовской рабочей среде, ничего в ней не делали и никакого влияния на нее не имели. Стало быть, зная о том, когда, что и как делалось и делается в этой среде, они в лучшем случае могли только «с пятого на десятое». А отсюда следует, что если редакция «Рев. России» хотела дать своим читателям достоверные сведения о событиях в Ростове, то ей надо было внимательно относиться к показаниям существовавшей там серьезной революционной организации, т. е. организации все тех же социал-демократов. Это представляется тем более обязательным, что — по собственному признанию собственного корреспондента «Рев. Росс.» — все ораторы, выступавшие перед стачечниками, по крайней мере, со вторника, 5 ноября, должны были заручиться полномочием от нашего Комитета, — так велико было его влияние! Но уже знакомая нам предустановленная гармония и нетерпеливая, хотя и великодушная, готовность «принять на себя» руководство экономической и всякой другой борьбой пролетариата заставляет «Рев. Росс.» поступать иначе. Вот яркий пример. О прокламации соц.-революционеров в приведенной нами тираде говорится, очевидно со слов корреспондента, который пишет, что на сходке стачечников 5 ноября «была разбросана среди рабочих гектографированная прокламация за подписью группы соц.-рев.». Но на сходке 5 ноября не было разбросано никакой прокламации, кроме той, которую написало от имени нашего Комитета, но без его согласия, лицо, обозначенное в корреспонденции буквой X¹⁰. Эту прокламацию стачечники разорвали, даже не дав себе труда прочесть ее, потому что на ней не было так хорошо известной им печати Донского Комитета. Именно этот факт и убедил лицо, обозначенное буквой X, в том, что ему следует выступить не иначе, как по соглашению с Комитетом*. Очевидец-корреспондент «Рев. Росс.»

* Заметим кстати, что X может быть заподозрен в симпатии к соц.-рев. разве только потому, что он слегка сочувствовал Эд. Бернштейну. Других указаний на эту симпатию не имеется.

изобразил все это дело совершенно неверно, — грех, тысячи раз случавшийся с тысячами других корреспондентов-очевидцев. Желая поправить ошибку корреспондента, один из членов Комитета написал в «Р. Р.» письмо, изображавшее инцидент с прокламацией в его истинном свете. Но эта поправка разрушала предустановленную гармонию и потому явилась незванным гостем, который, как известно, хуже татарина. Редакция напечатала по ее поводу, — на последней странице, мелким шрифтом, — лишь след. двусмысленную заметку: «Нами получено письмо за подписью: «член Донского Комитета Амвросий»¹¹. Г. Амвросий заявляет, что гектографированная прокламация, носившая, по словам нашего корреспондента, подпись «Группа социалистов-революционеров», была подписана: «Донской Комитет». Наш корреспондент настаивает на правильности своего сообщения». Очень хорошо! «Корреспондент настаивает». Но желательно было бы знать, что думает об его настойчивости сама редакция и «настаивает» ли она, в свою очередь, «на правильности» того места передовой статьи № 15, где о небывалой прокламации группы соц.-рев. говорится как раз то, что сообщил о ней настойчивый корреспондент. К сожалению, о сем редакция умалчивает. «Обычно» крайне многоречивая, она вдруг стала чрезвычайно скупа на слова. Оно и понятно. Письмо товарища Амвросия противоречило «минутным расчетам междупартийной политики», так что смущенной редакции оставалось только умыть руки, подобно Понтию Пилату. И она совершила этот обряд с большим искусством в одной из самых задних комнат своего обширного помещения. А на переднем фоне, на глазах у большой публики, осталось все то же показание корреспондента. И все та же предустановленная гармония, заставляющая читателя терпеливо ждать того счастливого времени, когда «Р. Р.» и ее единомышленники в самом деле — а не только в бессиль-

ной мечте — примут на себя руководство борьбой пролетариата.

Очень хорошо. Но эта очень хорошая история имеет свою мораль, на которой не мешает остановиться.

Редакция «Р. Р.» не сочла себя обязанной во всеуслышание повторить вслед за нашим Донским Комитетом, что прокламация, распространенная 5 ноября, была подписана его именем, хотя и без его согласия. Это ее дело, — дело ее логики, ее здравого смысла. Ее недоверчивое отношение к свидетельству Донского Комитета может наводить на некоторые невыгодные для нее мысли, но собственно вины оно не составляет. И однако... Однако,

Какой бы шум вы подняли, друзья,
Когда бы сделал это я!

Когда мы не сочли себя обязанными повторить, вслед за так называемой «Боевой Организацией», что Балмашов стрелял в Сипягина по ее поручению, то с «Р. Р.» сделалась жесточайшая литературная истерика, а симпатизирующие ей «элементы» стали на все голоса и на «все Европы» жалобно кричать о том, что мы совершили какую-то неслыханную провинность, неслыханным образом погрешив против какого-то обычного революционного права. Так «возмущались» они, когда дело коснулось свидетельства их товарищей. А теперь все они находят, повидимому, что в поведении «Р. Р.» нет ничего «возмутительного». Где же справедливость?

Корреспондент «Р. Р.» очень сожалеет о том, что Донской Комитет не организовал демонстрации. Ему и в голову не приходит, что в Ростове в продолжение нескольких дней, и притом именно благодаря умелости и такту соц.-дем. вожаков рабочих, происходила колоссальная, еще небывалая в России демонстрация. Корреспондент «Р. Р.» подобен крыловскому чудачу, слона-то

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

II. Пролетариат и крестьянство «на Западе».

Мы начинаем с «Запада». Почему? Это выяснится самым ходом исследования. Теперь же мы просим читателя удовольствоваться пока тем общим соображением, что западные страны более «развиты», чем наше отечество, а более развитые страны до некоторой степени показывают то, что предстоит «отсталым».

Что такое пролетарий? Это производитель, который не имеет никаких средств производства и потому вынужден продавать свою рабочую силу обладателю таковых, капиталисту, т. е. должен работать по найму.

А что такое крестьянин? Это, прежде всего, землевладелец. Но прусский юнкер тоже — землевладелец, а между тем его никто не назовет крестьянином. Стало быть, землевладение составляет хотя необходимый, но еще недостаточный признак того общественного слоя, который называется крестьянством.

Каковы же его другие признаки? Прежде, в то доброе старое время, когда «западные» страны — напр., хоть та же Пруссия, — были отсталыми в том самом смысле, в каком мы называли отсталой Россию, крестьянская поземельная собственность отличалась там от дворянской правовым положением собственника. Теперь

правовые различия этого рода, можно сказать, совсем исчезли даже в наименее «передовых» из западно-европейских стран, и потому крестьянское землевладение характеризуется там лишь своими размерами.

Согласно определению, даваемому известным немецким экономистом Конрадом, крестьянским считается такой участок, который достаточно велик для того, чтобы занять своей обработкой всю рабочую силу своего обладателя и его семьи, но слишком мал для того, чтобы его обладатель мог не принимать личного участия в его возделывании и ограничиться трудом управления и надзора за наемными рабочими*.

Конрад противопоставляет крестьянина обладателю парцеллы, который не может жить доходом со своего клочка земли и вынужден искать заработка на стороне (там же, стр. 438).

Если мы последуем за Конрадом в этом противопоставлении, — а последовать полезно в интересах точного разграничения понятий, — то крестьянское землевладение все-таки окажется у нас охватывающим участки весьма неодинаковой величины. В Германии называют крестьянскими такие участки, которые простираются от 2 до 100 гектаров (гектар — 0,9 десятины). В виду этого

* Handwörterbuch d. Staatsw., B. II, S. 437.

и не заметившему. Но чудачество, доводящее людей до того, что они не замечают самых величественных явлений, имеет, как и все на свете, свою причину. В политике оно «обычно» вызывается детской слабостью силы суждения. Человек запоминает какой-нибудь внешний, вовсе не необходимый признак явления и воображает, что дело именно в этом признаке. Там, где он его не видит, он не замечает и явления, хотя бы оно было и настоящим «слоном» между другими явлениями. Жертвой такого... «промаха незрелой мысли» сделался и корреспондент «Рев. Росс.». Он запомнил один из внешних признаков демонстрации — шествие по улицам, сопровождаемое противоправительственными возгласами и пением революционных песен, решил, что демонстрации не было, так как стачечники по улицам не ходили и песен не пели (отсутствие песен огорчило его, повидимому, особенно сильно). Кроме того, он слышал, что ведущие политическую борьбу прибегают к демонстрациям, и решил, что, так как демонстрации в Ростове не было, то Донской Комитет склонен к «экономизму». А редакция «Р. Р.» охотно поверила этой удивительной цепи силлогизмов, так как ей давно уже хочется «принять на себя руководство» борьбой русского пролетариата.

Как именно вел себя наш Донской Комитет, — это отчасти уже знают наши читатели из опубликованных нами известий; а еще больше выяснится им это из известий, которые будут опубликованы нами в самом непродолжительном времени. А теперь мы спешим успокоить «Рев. Росс.» насчет характера нашей агитационной деятельности в среде рабочих.

Не беспокойтесь, господа, и не торопитесь «принять на себя руководство» освободительным движением этого класса. Беспокоиться вам решительно нечего, а в руководители пролетариата вы решительно не годитесь. Вы

охотно и часто повторяете, что мы идем «в хвосте» событий и что мы задерживаем движение вместо того, чтобы содействовать его ускорению. Вы ссылаетесь при этом на наши собственные признания. И в этом последнем случае вы отчасти говорите правду. Очень нередко, критикуя свою собственную деятельность, мы говорим: «события опередили нас; мы идем в их хвосте» и т. п. Но эти самообличения — к слову сказать, свидетельствующие о том, что мы вовсе не такие самодовольные доктринеры, какими вы нас изображаете — не только не говорят против наших воззрений, а наоборот, представляют собою блестящее, хотя и косвенное подтверждение их неоспоримой правильности. В самом деле, о каких событиях здесь говорится и в каком смысле они нас обгоняют? Здесь говорится о тех событиях, совокупность которых обуславливается быстрым ростом классового сознания русского пролетариата. Число и значение этих событий увеличиваются так быстро, что часто мы оказываемся не в состоянии использовать их во всей их полноте. И мы, разумеется, очень жалеем об этом обстоятельстве; мы указываем на него, чтобы побудить себя и других к новой работе, к новым усилиям. Но самый факт этого быстрого роста классового самосознания в среде русских пролетариев показывает, что правда на нашей стороне, а не на стороне тех стародумов русской революции, которые еще так недавно с упорством закоснелых старообрядцев твердили, что так как капитализму не суждено у нас развиваться, то нелепо видеть в пролетариате главного и самого надежного носителя революционной идеи в России. Когда мы говорили нашим революционерам: «идите к рабочим», над нами смеялись, на нас смотрели почти как на безумцев. Не далее, как в 1889 г. издававшаяся в Женеве «Свободная Россия», оспаривая нас, писала: «Если даже в Германии, где соц.-демократы представляют уже известную поли-

нельзя не согласиться с А. Толстым, утверждающим, что «есть мужик и мужик». Крестьянин, владеющий двумя-тремя гектарами живет «трудами рук своих» и в лучшем случае кое-как сводит концы с концами; а крестьянин, имеющий сто гектаров, не только пользуется благосостоянием, но — и это для нас главное — не может обойтись в своем хозяйстве без наемных рабочих. Поэтому он принадлежит к классу предпринимателей, эксплуататоров.

Но эти две категории крестьян соединяются между собою множеством промежуточных ступеней, делающих почти незаметным переход от одной из них к другой. Притом же крестьянин, эксплуатирующий наемных рабочих, сам принимает участие в их труде и этим отличается от крупного предпринимателя, который только распоряжается и управляет «делом». Характер крестьянина, имеющего батраков, отличается, стало быть, двойственностью: такой крестьянин не только эксплуататор, он также и производитель.

Чем больше у него батраков, тем меньше, обыкновенно, его личное участие в их труде и тем более в его характере преобладают черты эксплуататора; а чем незначительнее число его батраков, тем больше приходится работать ему самому и тем более он приближается к мелким самостоятельным производителям.

Так как его характер определяется этими двумя чертами, то для понимания этого характера надо иметь ясное представление: 1) о том, что такое эксплуататор; 2) о том, что такое самостоятельный производитель.

Всякий социалист хорошо знает, что такое эксплуататор. На этот счет распространяться излишне. Поэтому мы прямо переходим к выяснению того, что такое мелкий самостоятельный производитель. Выяснить это нам тем более полезно, что значительная часть крестьянства целиком принадлежит к этой категории, обрабатывая свои участки своими собственными силами и вовсе не прибегая к покупке чужой рабочей силы.

Прежде всего, мы наталкиваемся здесь на такие вопросы: имеем ли мы право отождествить понятие «мелкий самостоятельный производитель» с понятием «пролетарий»? А если для их отождествления нет достаточного основания, то не можем ли мы, по крайней мере, объединить их в одном общем, более широком понятии, напр., в понятии «трудящееся население»?

И да, и нет! Здесь все зависит от точки зрения.

Если мы станем на точку зрения морали и, объявив эксплуатацию чужого труда безнравственной, будем классифицировать членов современного цивилизованного общества сообразно тому, живут или не живут они такой

тическую силу, результаты, достигнутые ими, далеко не блестящи, то у нас, конечно, нельзя даже думать серьезно о том, что наши рабочие будут служить en masse активными и сознательными борцами за добывание политической свободы». И затем, развивая свою мысль, она прибавляла, что «даже успешная пропаганда среди отдельных даровитых рабочих не окупает той массы жертв, которых требует». В редактировании «Свободной России» принимал участие г. Вл. Бурцев¹², отчаянный террорист и, если не ошибаемся, единомышленник нынешних соц.-рев. Конечно, в настоящее время г. Вл. Бурцев уже не согласился бы напечатать цитированные нами строки. Но не согласился бы только потому, что теперь уже слишком очевидна нелепость высказанной в ней мысли и слишком уже ясно теперь, что мы были правы. Теперь нас уже не смеют уверять, что русский пролетариат не способен на борьбу за политическую свободу; но теперь нас пытаются поймать на слове, когда мы говорим, что силы пролетариата растут быстрее, чем могли ожидать даже очень многие из нас. Жалкая попытка! Наши противники не понимают, что, чем более события опережают соц.-демократов, тем злее и беспощаднее насмеются они, эти события, над ними, нашими противниками.

Да, события опережают нас. Но какие события? Те самые, которые мы давно уже считали неизбежными и которые вам и вашим духовным предкам представлялись несоответствующими «судьбам русского капитализма». Вы не замечаете, как жестоко насмеялась над вами та самая «жизнь», которую вы объявляете единственной учительницей. Вы до такой степени не сознаете глубочайшего комизма своего положения, что выражаете благосклонную готовность стать руководителями того самого общественного класса, исторического значения которого вы не понимали прежде и не поняли до сих

пор, как это доказывается вашими усилиями отождествить понятие «пролетарий» с понятием «крестьянин». Нечего сказать, хорошие вышли бы из вас руководители. Письма Качура, подпавшего под ваше влияние, ясно показывают, как отразилось бы ваше руководство на самосознании рабочих. Благодаря вам, он совершенно позабыл ту истину, — составляющую основное положение всей политики современных социалистов, — что освобождение пролетариата должно быть делом самого пролетариата. Вместо сознания этой истины, вы сообщили ему детскую веру в чудотворную силу вашей «Боевой Организации». Чем так влиять на рабочих, лучше, по евангельскому выражению, навязать себе жернов на шею и броситься в воду. Такое влияние не принесет ничего, кроме непоправимого вреда для русского пролетариата и для всей вообще русской революции. И вот почему глубоко прав был наш товарищ, сказавший в «Заре», что ваша партия носит двойное название социалистов-революционеров по двум причинам: потому, что ваш социализм не революционен, и еще потому, что ваша революционность не имеет ничего общего с социализмом. И поэтому же вы напрасно думаете, что вы и мы составляем лишь две фракции одной и той же революционной партии: нет, господа, нам нельзя с вами «родными счестся»; социал-демократы не могут принадлежать к одной партии с «социалистами-революционерами». Первые представляют в революционном движении пролетариат, вторые — мелкую буржуазию.

[Г. Плеханов]

эксплуатацией, то у нас непременно выйдет, что и пролетарий, работающий по найму, и ремесленник, не имеющий наемных рабочих, и крестьянин, собственным трудом возделывающий свое поле, принадлежат к одному общественному классу — классу производителей, повинных в эксплуатации своих сограждан. И этому классу будет противостоять у нас класс эксплуататоров.

Но можем ли мы довольствоваться точкой зрения морали?

Нам опять приходится ответить: и да, и нет. Здесь все зависит от нашей умственной требовательности.

Было время, когда многие социалисты совершенно довольствовались точкой зрения морали. Это время было временем утопического социализма. А потом социалисты перестали довольствоваться точкой зрения морали и перешли на точку зрения науки. Тогда началась эпоха научного социализма*.

Последователи научного социализма стремятся к научному пониманию и к научной классификации явлений. А научная классификация явлений основывается на их

свойствах или на их происхождении, а не на тех моральных суждениях, которые мы произносим по их поводу. Мы можем сколько угодно порицать волка и хвалить собаку. Это не мешает зоологу отнести того и другого к одному роду *canis*.

Как же представляется дело с научной точки зрения? Что бы понять это, надо сначала разрешить вопрос о том, что именно называется классом в современной общественной науке.

Маркс задался этим вопросом в последней главе третьего тома «Капитала», причем формулировал его так: почему наемные рабочие, капиталисты и землевладельцы составляют три великих класса современного общества? Указанная глава осталась неоконченной, и потому не дает полного ответа. Однако даже и то, что сказано там, достаточно определяет мысль автора, если не с положительной, то с отрицательной ее стороны. Именно, мы узнаем, что, по мнению Маркса, только на первый взгляд кажется, будто дело тут (в вышеприведенной классификации) заключается в одинаковости дохода и источника дохода; дальнейший анализ приводит к другому выводу. Каков этот вывод — осталось, повидимому, неизвестным, так как именно в этом месте оборвалась рукопись третьего тома. Но совершенно ясно, по крайней мере, то,

* Во избежание недоразумений заметим, что многие социалисты-утописты уже понимали неудовлетворительность моральной точки зрения и стремились к научному анализу общественной жизни. Но они еще не знали, где искать основы этой жизни, и потому их анализ не мог идти далеко.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Каждый день русское правительство наносит один удар за другим небольшой, но культурной стране, пользовавшейся до 1899 г. политической свободой и не имевшей до самого последнего времени ни малейшего представления о всех прелестях российского самодержавия. Царские опричники, со своим жалким господином во главе, самым грубым образом попирают вековые права и вольности финского народа; сознавая приближение конца своего разбойнического хозяйничания и в самой России, эта шайка бандитов спешит насладиться в Финляндии самым диким вандализмом — уничтожением созданного веками свободного политического и общественного строя. Слово из рога изобилия сыплется на эту несчастную страну новые «законы», «распоряжения», «предначертания» и «мероприятия» Ники-Милуши¹³ и его верных слуг. Нет никакой возможности в газетной статье познакомить читателя со всеми возмутительными подвигами Плева, Бобрикова и прочей братии за последние два месяца; поэтому мы ограничимся лишь наиболее тяжкими политическими преступлениями издыхающего самодержавия.

В последний раз (№ 29) мы говорили о летнем секретном циркуляре Плева о вскрытии писем. Финляндская почта была во всех отношениях поставлена превосходно, и до сих пор никому не приходилось в Финляндии опасаться за судьбу своих писем. Уже вскоре по приезде в Гельсингфорс Бобриков начал делать попытки введения русских почтовых порядков, но финляндцы были уверены в несбыточности дерзких «мечтаний» сатрапа, пока пост почтдиректора занимает г. Лагерборг. Заранее предвидя невозможность устройства в Финляндии черных кабинетов при финляндских почтмейстерах и прочих почтовых чиновниках, Плева решил постепенно приучать финляндцев к жандармским обычаям. Поэтому, для начала «реформы», он вздумал избрать «честный» образ действий, повелев почтовым учреждениям «вскрывать подобные отправления (т. е. относительно которых возникает подозрение) в присутствии адресата и направлять недозволенные произведения печати губернатору для дальнейших мероприятий». Финляндский почтдиректор наотрез отказался от проведения этой «реформы», несмотря на неоднократные напоминания Бобрикова. В конце ноября г. Лагерборга вызвали для объяснений в Петербург,

и он тотчас же подал в отставку. Представление финляндского сената по вопросу о «реформе» было г-ном Плеве оставлено «без последствий». 27 дек. Николай II «всемилоостивейше уволил, согласно прошению», г. Лагерборга в отставку. Его помощник и следующий за ним высший чиновник финляндского почтового ведомства «по болезни» одновременно отказались от исполнения служебных обязанностей. Бобриков, недолго думая, приказал одному из чиновников своей канцелярии исполнять должность почтдиректора. Повидимому, приближается в Финляндии осуществление почтовых идеалов Плева, но можно смело предсказать, что проведение его «реформы» встретит упорное сопротивление как со стороны всех честных почтовых чиновников, так и со стороны публики, которая не дозволит безнаказанно совершать над собою такого наглого насилия. Независимо от проведения «реформы», как мы слышали, ездит особый русский чиновник между Петербургом и Белоостровом для надзора за «подозрительными» письмами. Нелегальной же литературы не поймают опричники даже и при осуществлении жандармских вожделений относительно почты. Правда, один из сентябрьских царских преступных «законов» позволяет заменять финляндских чиновников «русскими уроженцами», которым, вопреки финляндской конституции, предоставлены в Финляндии права государственной службы. Не правда ли, коротко и ясно? Обрушители начали применять этот закон еще задолго до его существования и, по всей вероятности, его в будущем ждет самое широкое применение. В финляндских газетах 8, 9, 12 и 22 января сообщается, что подали в отставку четыре финляндских губернатора-гражданина, пользующихся всеобщим уважением и оставшихся верными конституции, пятый же губернатор вышел в отставку очень недавно. Так они действовали по приказанию свыше. Губернатору же Абоской губ., которому недавно был объявлен «высочайший» выговор за вмешательство в распоряжения Кайгородова во время избения мирной публики на Сенатской площади 5 (18) апреля, официально повелено подать в отставку. Ближайший повод к такому мероприятию пока нам неизвестен, причина же ясна: Плева заменит финляндских губернаторов-граждан русскими помпадурками и послушными финляндцами-рабами. Из остальных же трех губернаторов (русских уроженцев) финляндских губерний особенно отличился нюландский губернатор Кайгородов и недавно

что не распределением общественного дохода, т. е. не подразделением его на заработную плату, предпринимательскую прибыль и поземельную ренту, обусловливается разделение современного общества на три великих класса: наемных рабочих, капиталистов и землевладельцев. Распределение дохода не может, стало быть, служить научной основой классификации этого рода.

Если это так, — а мы сейчас увидим, что это на самом деле так, — то, очевидно, очень ошибаются те люди, которые относят крестьянина или вообще мелкого самостоятельного производителя к одному классу с пролетарием на том основании, что доход такого производителя не выше, а иногда и ниже, чем доход пролетария, или же в силу того соображения, что крупный капитал эксплуатирует не только пролетария, но также и мелкого производителя. Факты, на которые при этом указывают, очень часто совершенно неоспоримы; но они имеют не то общественное значение, какое им обыкновенно приписывают.

Чем же обусловливается разделение общества на классы? На этот вопрос отвечает другая, предпоследняя глава «Капитала».

Общий вывод, который из нее вытекает, может быть выражен словами самого Маркса: данные отношения

распределения являются выражением исторически определенных отношений производства.

Но выражение предполагает существование того, что выражается. Поэтому данные отношения распределения, т. е. данный способ распределения продукта, предполагают известное производственное отношение. Предполагают не только логически, но и исторически. Наемный рабочий получает известный доход в виде заработной платы. Это — факт, характеризующий собой отношения распределения. Наемный рабочий не имеет ничего, кроме своей рабочей силы; все средства производства принадлежат другим классам: капиталистам и землевладельцам. Это — факт, относящийся к области производственных отношений. Но почему же рабочий получает только заработную плату, т. е. только часть продукта, созданного его трудом? Именно потому, что у него нет ничего, кроме рабочей силы. Отношения распределения выражают собой отношения производства. Но они не только выражают их, а также и обуславливаются ими. Если бы не было свойственных капиталистическому обществу производственных отношений, то и не было бы свойственных ему отношений распределения. А его производственные отношения представляют собою лишь один период в экономической истории человечества. Они возникли вследствие экономического развития

назначенный Выборгский губернатор Мясоедов, прозванный финляндцами Каннибаловым. Последний попросту превращает губернское управление в жандармское и во всем следует мудрым указаниям жандармского ротмистра Крамаренки. Сей славный помпадур совершенно произвольно смещает годных сельских и городских полицейских чиновников и вообще не знает никаких границ в своих возмутительных выходках. Между прочим, он недавно потребовал от всех обществ и союзов их уставы; видно, он мечтает вмешаться в их порядки. Подобные сатрапы в ближайшем будущем займут все губернаторские посты в Финляндии.

Кроме губернаторов, за последнее время подали в отставку несколько членов судов второй инстанции. В прошлой статье мы говорили о разгроме Николаем II этих учреждений. Нынешний рабский финляндский сенат, стараясь во всем угодить Плеве и Бобрикову, поспешил 7 (20) декабря обратиться к последнему с покорнейшей просьбой о разрешении применить сентябрьский «закон» (о смещении административным путем чиновников) к протокольному секретарю Столбергу, отказавшемуся от доклада в сенат противозаконного распоряжения по вопросу о воинской повинности. Само собою разумеется, что милостивый ответ не замедлил последовать. На днях было приказано в течение трех суток подать в отставку другому протокольному секретарю Фуругельму за участие в демонстрации 10 (23) февраля в Новой кирке при попытке обнародования пресловутого «закона» о воинской повинности. Это дело весной разбиралось судом, который приговорил полицейского комиссара за неправильное задержание г. Фуругельма к аресту на два месяца, а г. Фуругельма за удар комиссара к штрафу в 25 м. В обоих этих случаях незаконного смещения чиновников-граждан выказал свою энергию новый помощник Бобрикова Дейтрих. Как видит читатель из приведенных нами фактов, лучшая часть финляндских чиновников не подчиняется незаконным приказам царя и его верных сподвижников; это доказывают, между прочим, и правильные приговоры весной финляндских судов, на которые не могли оказать давление обрусители. Положение всех честных финляндских чиновников, разумеется, при новом режиме с каждым днем становится невыносимее и им постоянно угрожает лишение места.

К сожалению, русское правительство нашло себе союзников в оппортунистической консервативной старо-финноманской¹⁴ партии, отличающейся преступной недалекостью. Члены этой партии за некоторые уступки, новизною. Члены этой партии за некоторые уступки, ждениях финского языка, а главным образом, конечно, за назначение на разные должности старо-финноманцев и т. п., — в буквальном смысле продают за чечевичную похлебку свободу своей родины. Из этой среды Плеве вербует себе покорных рабов среди финляндцев, так как пока нелегально все должны заместить русскими, не знающими ни языков, ни обычаев, ни нравов финского народа. Благодаря лишь стараниям и агитации членов этой все уменьшающейся партии, в прошлом году в воинские присутствия, по самым последним и точным данным, явилось 41,6 проц., или 10.438 юношей, тогда как 14.642 юноши избрали благую часть и, несмотря на приказ царя, не явились. Представители старо-финноманской партии и теперь продолжают употреблять все усилия для достижения благих результатов. Для такой великой цели превратился в публициста даже сам архиепископ Иогансон, нередко украшающий своими наивными статьями столбцы лейб-органа этой партии. Этот почтенный муж не брезгает распускать подчас самые нелепые слухи о великодушии Плеве, царя и т. п. Члены старо-финноманской партии, пользующейся за последнее время расположением опричников и их достойной «официальной» «Финляндск. Газ.», являются, действительно, опасными «агитаторами», о вредном влиянии которых постоянно с пеной во рту кричит жандармский орган, а отнюдь не те благородные граждане, которые принадлежат к «партии протеста и противодействия», к «подпольным сторонникам дерзкого протеста» и т. п. 12 ноября в Гельсингфорсе состоялся съезд 235 финляндских граждан, среди которых было много крестьян. Эти граждане из всех классов и из разных местностей страны единогласно признали необходимым продолжать во всех областях энергичное «пассивное» сопротивление для спасения государственного и национального бытия финского народа до тех пор, пока не будет восстановлен в стране законный порядок; далее, собрание постановило, что должно продолжать непрерывную, интенсивную работу по распространению среди широких слоев народа ясного понимания необходимости «пассивного» сопротивления. Собрание увещевает всех граждан уважать

и исчезнут под его же влиянием. Кто хочет понять судьбу, ожидающую нынешнее буржуазное общество, тот ни на шаг не приблизится к своей цели, когда узнает, как совершается в нем распределение продукта; дело станет ему ясно только тогда, когда он поймет исторический характер, переходное, временное значение свойственных этому обществу отношений производства.

Теперь мы знаем, что такое общественный класс. Это — более или менее обширный разряд лиц, находящихся в одинаковых отношениях производства к другим разрядам. Разделение общества на классы обуславливается существующими в нем производственными отношениями. Стало быть, к этим отношениям мы должны обратиться и при решении вопроса о том, принадлежат ли мелкие самостоятельные производители к одному классу с пролетариями?

С точки зрения производственных отношений пролетарий совсем не то, что мелкий самостоятельный производитель. И тот и другой трудятся; это так. Но один трудится для себя, а другой — для хозяина; в этом существенная разница. Если мелкий производитель трудится для себя, а не для хозяина, то этим он обязан не своему труду, а своему положению обладателя известных средств производства. Это положение составляет

отличительный признак этой категории производителей, заставляющий выделить ее в особый общественный класс.

Кто думает, что понятие пролетарий должно раствориться в более «широком» понятии трудящийся, тот или ничего не понимает в современном социализме, или умышленно насаждает теоретическую путаницу ради какой-нибудь практической цели, не имеющей ровно ничего общего с делом истинного освобождения «трудящихся».

Производственные отношения всякого данного общества не только обуславливают собою разделение его на классы и свойственное ему распределение продукта. Ими определяется также направление всех великих общественных движений. Производственными отношениями капиталистического общества обуславливается то обстоятельство, что пролетарий не может сбросить с себя ига капитала иначе, как совершив социальную революцию. Поэтому пролетариат является теперь классом революционным по преимуществу. Не то с мелкими производителями. Принадлежность им средств производства является, как мы видели, залогом их экономической самостоятельности. Поэтому их жизненный интерес требует сохранения частной собственности на средства производства. Если производственные отношения делают из пролетария революционера, то из мелкого произво-

интересы рабочего класса, чтобы таким образом рассеялись недоразумения и недоверие среди различных общественных классов и весь народ мог единодушно принимать участие в защите своих самых дорогих прав. Собрание признало необходимым, чтобы народ ясно выражал неодобрение тем газетам и лицам, которые проповедают необходимость подчинения обрусительной политике русского правительства. Далее, собрание постановило, чтобы на все выборные должности избирались лишь такие граждане, которые, несмотря на давление правительства, твердо стояли за исполнение законов и за права финского народа. Мы не будем излагать всех пунктов решения; упомянем только о постановлении относительно чиновников, которым вменено в обязанность, несмотря ни на какие препятствия, не отступать от соблюдения конституции. Долгом общества является материальная поддержка пострадавших чиновников. Постановления этого с'езда были изданы в виде особого листа и получили самое широкое распространение. Сама «Фин. Газета» очень недипломатично жалуется на то, что в иностранной прессе было опубликовано решение этого с'езда. Бобриков узнал о нем лишь на следующий день и пригрозил отставкой полицмейстеру, если он впредь не будет пресекать подобные «беззаконные и преступные сборища». Несмотря, однако, на гнев Бобрикова, подобных с'ездов и собраний за последнее время состоялось, как я слышал из достоверного источника, до двадцати в разных местностях Финляндии.

Старо-финноманская партия, в противовес истинным гражданам Финляндии, также имела в двух-трех местах с'езды и собрания, которые отличались вялостью и очень мало посещались. Особенно трагикомичным является их партийное собрание в Выборге, где оно происходило по программе, одобренной Мясоедовым, который вначале было решил разогнать финноманов. Однако читатель сделал бы совершенно неправильное заключение, если бы он причислил всех членов этой партии к изменникам. Большая часть из них, несомненно, ослеплена своими узкими партийными и классовыми интересами и сама не сознает причиняемого вреда. Эта партия на развалинах свободы отечества, которую она якобы спасает, торжествует «победу» над своими политическими противниками. Это страшно недалековидно: русское правительство намеревается впоследствии, справившись с оппозицией, разделиться и со своими нынешними союзниками.

дителя они делают консерватора. Само собою разумеется, что этот консерватор далеко не всегда доволен своим положением. Он тоже может роптать и волноваться. Но пока он стоит на своей собственной точке зрения, пока он усиливается защитить или восстановить характерные для него отношения производства, до тех пор его недовольство пропитано духом консерватизма или даже реакции. Оно направляется не против частной собственности на средства производства, а против того, что мешает ему пользоваться выгодами такой собственности. Он хотел бы остановить или повернуть назад колесо истории. И это давно и хорошо сознали гг. «охранители». Так, уже цитированный нами Конрад говорит о крестьянах: «Крестьянство всегда было консервативнейшим элементом государства; оно всегда упорно держалось за старое и защищало его с величайшей энергией. Понимание важного значения имущества и любовь к отечеству делают его естественным противником свойственных городам революционных идей и твердым оплотом против соц.-дем. стремлений» (там же, стр. 439). Такое же отрадное упование на консерватизм крестьянина не раз высказывали «охранители» других западноевропейских стран; для примера укажем на книгу французского экономиста Сушона*.

* «La propriété paysanne», Paris, 1899.

Тем нелепее вся эта агитация за подчинение, что результаты сопротивления имеются налицо. Только дружный отпор, оказанный новобранцами и другими элементами финского народа в прошлом году, мог поставить втупик правительство и заставить его медленнее проводить военную «реформу». Куропаткин на 1903 год решил призвать к активной службе еще меньше новобранцев в Финляндии, чем в прошлом году, — всего 190 чел., для пополнения одного лишь финского гвардейского батальона. Это распоряжение превосходно доказывает все бессилие русского правительства перед единодушным народным сопротивлением. «Фин. Газ.» постоянно разглашает о «царской милости». «По уставу 1878 г., ежегодно призывалось на службу от 2.000 до 2.300 новобранцев; ныне же требуется от Финляндии впредь до изменения (курсив наш) лишь меньше десятой этого последнего числа, хотя население возросло до 2.700.000 и, по общему имперскому уровню, с края причислялось бы свыше 2.700 новобранцев». В том-то и штука, что финский народ не надует так легко, как хотелось бы гг. Бобрикову и К°. Он понимает, какие милости его ожидают в будущем, если он теперь согласится подчиниться незаконным требованиям клятвопреступника. Дружное сопротивление финских юношей в этом году должно быть еще сильнее и внушительнее, тогда правительство будет вынуждено совершенно отказаться от «реформы». Не будучи в состоянии придумать наказания для всех новобранцев, опричники Николая II хотели-было сорвать гнев за свое бессилие на нескольких стах интеллигентных юношей, т. е. на студентах. Начальство Гельсингфорского университета отказалось содействовать выполнению «благих предначертаний» г. Плеве. За это на-днях в Петербурге приказано было подать в отставку вице-канцлеру университета, проф. Рейну, который вполне правильно отказался подчиниться и этому незаконному требованию. Его преемник уже избран: это профессор Даниельсон, один из руководителей старо-финноманской партии. Он, несомненно, согласится на все подлости, но, понятно, лишь «для спасения отечества», а не по другим мотивам. Во имя патриотизма во всем мире продельваются разные гадости. Но на примере Финляндии мы видим, что патриотизм при некоторых условиях может вести истинных граждан и к самоотверженной борьбе с поборниками мракобесия и героями виселицы и застенка.

Правда, в течение последнего десятилетия в социалистической литературе все чаще и чаще раздаются голоса, выражающие твердое убеждение в том, что крестьянин может и должен быть привлечен к социализму. И не в одной только европейской литературе высказывается подобная уверенность. Совсем недавно в Чикаго вышла книжка «The american Farmer», автор которой, американский социал-демократ Саймонс, полагает, что мелкий фермер является теперь естественным союзником промышленного пролетария. Но это мнение Саймонса не противоречит нашей мысли. Его только надо понять как следует.

Капиталистические производственные отношения все более и более расширяют область своего господства в передовых странах нашего времени. Это расширение области господства названных отношений делает положение мелкого производителя, — как в промышленности, так и в земледелии, — все более и более непрочным, зависимым и тяжелым. Саймонс приводит много интересных примеров, показывающих, что мелкий американский фермер часто кругом опутан сетями капитала. В виду этого северо-американская социал-демократия может найти и должна искать себе сторонников также и между мелкими фермерами. Но для того, чтобы мелкий фермер пошел под ее знамя, безусловно необходимо

Политический гнет в Финляндии вызвал страшную эмиграцию. Число лиц, эмигрировавших лишь через Ганге за 1902 г., достигает, по словам «Свободн. Слова», до 22.265 чел. Всю цифру эмигрантов за 1902 г. эта свободная финляндская газета исчисляет приблизительно в 25 тыс. чел. Среднее же число эмигрантов в год, уехавших через Ганге, за период времени от 1891 до 1898 гг., составляло лишь 3.378 чел. Разница, поистине, ужасающая! Эмиграция начала сильно возрастать немедленно с введения нового режима в стране; об этом красноречиво говорят следующие цифры: за 1899 г. — 12.357, 1900 — 10.642, за 1901—12.659 (все эти данные мы заимствуем из того же источника). Само собой разумеется, виновниками этого социального бедствия являются мудрые советники Ники-Милуши, но в этом они не хотят ни за что сознаться, а потому все валят на экономические причины. Недурны «Фин. Газ.», «Нов. Время» и проч. в роли политико-экономических органов!

Гг. обрусители давно уже хотят ввести в Финляндии все усовершенствования жандармско-полицейской цивилизации. В одной из предыдущих статей мы говорили о проекте введения дворничьего ига в Гельсингфорсе. Теперь, по царскому приказанию, проект этот обсуждался финляндским сенатом, который временно ассигновал значительную сумму в 42.200 мар. на усиление состава гельсингфорской полиции. Во главе ее попрежнему стоит отчаянный взяточник и настоящий шут гороховый Карлстедт, который так печально отличился во время демонстрации 5 (18) апреля*.

Жандармский режим, сопровождающийся неслыханным разгромом периодической печати, вызвал в Финляндии быстрое развитие всевозможной нелегальной прессы, о которой до 1900 года никто не имел никакого представления. Теперь «Фин. Газ.» постоянно вопит о «подпольной» печати. В шведских и финских газетах, печатающихся в Стокгольме, много сравнительно места и внимания уделяется революционной борьбе в России. Финляндцы с большим сочувствием следят за ее развитием, понимая, что будущность их страны тесно связана с грядущей ре-

* Интересующимся этим вопросом можно рекомендовать небольшую брошюру: «Растление гельсингфорской полиции», Берлин, 1902 года.

одно важнейшее психологическое условие: он должен убедиться в том, что мелкое землевладение отжило свой век и что частная собственность на средства производства должна уступить место общественной. Другими словами, ему надо покинуть точку зрения мелкого производителя и встать на точку зрения пролетариата. При наличии этого условия соц.-демократия, разумеется, обязана принять его в свои ряды. Более того: она обязана облегчить ему своей пропагандой и агитацией переход на новую, непривычную для него точку зрения. Но до тех пор, пока такой переход не состоялся, пока фермер требует таких мер, которые обеспечили бы его существование, как мелкого производителя, пока он стремится не к социальной революции, а лишь к некоторым социальным реформам, которые задержали бы победоносное шествие крупного капитала или ограничили бы область его вторжения, — до тех пор он не социалист и ему нечего делать между социалистами. И если бы социальная демократия вздумала поддерживать эти его стремления, то она тем самым пришла бы в непримиримое противоречие со своей собственной коренной задачей, которая заключается совсем не в том, чтобы задерживать развитие капитализма, а в том, чтобы воспользоваться этим развитием в интересах социальной революции.

волюцией в нашем отечестве. Русское правительство энергично содействует революционизированию целого народа, гордившегося до последнего времени своею лояльностью. Теперь же в свободной финляндской прессе начинает обсуждаться столь важный вопрос, как вопрос об отношении финляндской оппозиции к русскому революционному движению и о необходимости совместной борьбы финского народа и русских революционных элементов. Правда, в финляндских свободных (оппозиционных, но только умеренных и отнюдь не революционных) изданиях высказываются мнения за и против этого вопроса. Но уже важен самый факт обсуждения его. Открытое выражение наших симпатий к народу, страдающему под гнетом той же шайки разбойников, которая бесконтрольно и безнаказанно распоряжается судьбой миллионов русских граждан, несомненно, усилило бы мужество финляндских борцов и вселило бы в них доверие к русским революционерам. Мы, подобно автору прекрасной брошюры: «Рабочее дело в России»¹⁵, считаем вполне уместным выражение русским пролетариатом своего мнения по финляндскому вопросу во время демонстраций. Соответствующие надписи на знаменах и дружные крики борцов-рабочих произведут, по нашему мнению, сильное впечатление не только на финский народ, но и на правительство, которое увидит в этом политическую зрелость русского пролетариата, умеющего протестовать против водворения самодержавия в свободной доселе стране. Я не настаиваю теперь же на необходимости устройства специальных демонстраций по финляндскому вопросу, но предлагаю соединить протесты против русского бесправия с протестами против грубого произвола в Финляндии. Это наглядно показало бы финляндцам, что их истинные друзья в России, и с достаточной силой подчеркнуло бы разницу между симпатиями русских либералов, осмеливающихся, в лучшем случае, про себя вздохнуть, и симпатиями русских революционеров. Многие финляндцы, к сожалению, еще отождествляют различные фракции русских революционеров с легальной оппозицией наших, по большей части, беззубых либералов. Наш открытый протест по поводу коварной политики русского правительства в Финляндии был бы в одно и то же время протестом против нынешнего фактического главы самодержавия, Плеве, главного палача русских революционеров и палача финляндской свободы. Финляндцы тогда еще лучше поняли

Мы знаем, что в социалистических партиях всего цивилизованного мира есть теперь «товарищи», изображающие этот вопрос в другом свете. Эти «товарищи» говорят, что социализм несколько не изменит себе, взяв на себя отстаивание интересов крестьянства, как такового. Но своими доводами эти господа обнаруживают лишь неясность и непоследовательность своих собственных воззрений.

Святой Бернар, споря с людьми, утверждавшими, что взгляды Аристотеля тождественны с учением Иисуса, воскликнул: «Вы доказали не то, что Аристотель был христианином, а то, что вы сами язычники».

Подобно этому мы можем сказать о многих и многих из «товарищей», которые рекомендуют западным социалистам «новую тактику» по отношению к крестьянству: они доказали не то, что предлагаемые ими меры облегчат торжество социализма, а то, что это торжество им, нашим будто бы товарищам, совсем не нужно.

Пора кончить. Расставаясь с читателем до следующей статьи, мы настоятельно просим его твердо помнить, что мы говорим пока только о «Западе», а о России речь у нас впереди.

[Г. Плеханов]

бы, что наш девиз: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует демократическая республика!» должен быть и их девизом. Лишь когда осуществится наш девиз, лучи политической свободы снова и уж навсегда засияют в Финляндии.

* * *

В дополнение к письму нашего финляндского корреспондента сообщаем доставленный нам одним товарищем перевод «Программы финской рабочей партии», принятой на рабочем конгрессе в Або в июле 1899 г. (Эта же программа принята и всеобщим Союзом по-шведски говорящих рабочих Финляндии, из органа которого «Arbetaren» мы и занимаемся ее.)

Финская Рабочая Партия¹⁶, исходя из основных положений рабочего движения в вопросе о развитии общества, стремится к экономическому и социальному освобождению финских рабочих. Подчеркивая, что главным условием этого освобождения является сохранение и защита национальной самостоятельности Финляндии, Партия поставила своей ближайшей задачей выполнение след. программ:

1) Всеобщее, равное и прямое избирательное право во всех выборах и голосованиях для каждого финского гражданина, достигшего 21-летнего возраста, и безразлично какого пола. Пропорциональная система выборов. Двух-годовые законодательные периоды. Производство выборов и перебаллотировок в определенный законом праздничный день.

2) Право народа через представительство издавать законы и самому облагать себя податями (право законодательства и самообложения).

3) Полная свобода союзов, собраний, слова и печати.

4) Рабочий день не должен превышать восьми часов. Максимум рабочего дня и минимум заработной платы должны быть немедленно установлены при государственных и коммунальных работах.

5) Всеобщее обязательное школьное обучение. Бесплатное обучение во всех учебных заведениях. Народная школа должна быть преобразована в подготовительную школу для всех высших учебных заведений.

6) Военные расходы должны быть в высшей степени уменьшены, идея мира развита и осуществлена в действительности.

7) Полное равноправие мужчин и женщин.

8) Закон об общем запрещении изготовления и продажи спиртных напитков.

9) Развитие фабричного законодательства. Число фабричных инспекторов сильно увеличено; назначение помощников фабричных инспекторов из среды рабочего класса. Назначение женских фабричных инспектрис.

10) Равномерно увеличивающийся подоходный налог и налог на наследства. Уничтожение всех косвенных налогов.

11) Страхование рабочих государством.

12) Бесплатная юридическая и медицинская помощь.

13) Улучшение положения безземельного населения, арендаторов и мелких крестьян.

[В. М. Смирнов]

БЛАГОРОДСТВО ВМЕСТО ПРОГРАММЫ И НЕРВНОСТЬ ВМЕСТО ТАКТИКИ.

Давая политическую оценку ростовских событий, наша газета, между прочим, писала: «Впрочем, соц.-рев. дело представляется, вероятно, в ином свете и, с их точки зрения, было бы, должно быть, «целесообразнее», если бы шестеро убитых в Ростове товарищей отдали свою жизнь на покушения против тех или иных полицейских извергов?» По поводу этих слов «Рев. Росс.» делает попытку обварить читателя лавой клокошущего

благородства: «Трудно себе представить, чтобы после только что разгромленного, подавленного движения, над свежесыпанными могилами погибших борцов, над их пролитой и едва успевшей высохнуть кровью, революционеры двух фракций могли поднимать между собою спор о том, в каком виде они предпочли бы смерть своих товарищей. Такие кощунственные (как я благороден!) пререкания — если бы они были возможны — свидетельствовали бы о том, что в сектантском ослеплении люди способны забыть, до какой степени является для них драгоценной эта кровь, святыми — эти жертвы, серьезными и подавляюще-трагичными — эти события... Что за извращенное, что за изумительное представление о революционерах!» (№ 15).

Свежесыпанные могилы... кровь... кощунство... трупы... жертвы... сектантское ослепление... а над всем этим — сверкающие молнии «внефракционного» благородства. Благочестивый читатель ослеплен и оглушен, и в результате — вопрос благополучно эскамотирован.

А вопрос между тем требует категорического ответа. В № 12 «Рев. Росс.» мы читали, что невооруженные демонстрации в будущем «вряд ли могут оказывать то же воодушевляющее, бодрящее действие... Нарастает опасность, что они иногда окажут деморализующее действие» (курсив автора). Но к массовому вооруженному отпору мы еще не готовы, — рассуждала далее «Рев. Росс.», — остается террор, сколько бы против него ни восставали «противники решительных способов действия». Конечно, террор стоит жертв. «Но вот, во время одной только батумской рабочей демонстрации перебито около тридцати человек из безоружной толпы. Мирная демонстрация во время обуховской забастовки также оканчивается побоищем, льется кровь». Пора перестать быть «только наковальней, миссия которой — принимать удары молота», пора отвечать на удары по массе... револьверными выстрелами (не всегда, как известно, попадающими в цель).

Логика истинно-революционных событий, разыгравшихся в Ростове, сдунула, как карточный домик, хрупкую террористическую логику «Р. Р.». Значение ростовских дней неоценимо, между прочим, потому, что при их свете террористические акты должны были получить настоящую, не романтическую оценку... Мы предложили нашим противникам, сторонникам «решительных способов действия», приложить соображения, развитые в № 12, к конкретному факту — и решить, не лучше ли было бы для дела теперь, когда вооруженная демонстрация в Ростове была еще невозможной, чтобы шесть погибших товарищей сложили свою жизнь в шести террористических актах. «Коли смерть, то уж лучше смерть с оружием в руках, — смерть, которая обходится недешево и врагу».

И в ответ — шумный поток неотразимо благородных слов. Конечно, господа, вы благородны. Конечно, вы выше «минутных расчетов междуфракционной борьбы», но неужели же это лишало нас права надеяться, что великий наглядный урок ростовских событий внушит вам истинно-революционный ответ на вопрос: «Как отвечать на правительственные зверства?» (заглавие цитированной статьи в № 12 «Р. Р.»), — подготовлением ли массового отпора или же символизацией революции

при помощи отдельных ударов? Вы находите, что «ростовские события слишком сложны, чтобы избрать их поводом для сведения счетов с другими фракциями»? Что значит эта банальная увертка? Ростовские события сложны, ростовские события важны, — их нужно понять, их нужно оценить. Но оценка зависит от классовой точки зрения, понимание зависит от доктрины. Где же еще место «для сведения счетов» с революционным авантюризмом, с принципиальной беспринципностью, как не здесь, в оценке этих сложных и важных событий?

Вам не нравится наша соц.-дем. оценка? Это понятно, если принять во внимание вашу собственную «демократическую» природу. Давайте нам вашу оценку. Разбивайте нашу. Это будет полезной борьбой взглядов. Но это прятание головы в песок «объединительства»; но это эквилибристика со словом «фракция»; но это стремление прикрыть плющем фразеологии коренные разногласия по вопросам программы и тактики, — что, кроме вящей путаницы, может произвести подобная «тактика»?

Да и вы сами, при всей вашей «внефракционной» добродетели, не удерживаетесь ведь от «кошунственных пререканий» по поводу ростовских событий. И хорошо делаете, что не удерживаетесь. Желая противопоставить свою тактику тактике соц.-демократической, вы договариваетесь в той же статье до крайне поучительных вещей. В Ростове, — рассказываете вы, — «образовался было небольшой кружок, пытавшийся самостоятельно вмешаться в стачку и выпустивший прокламацию за подписью «группы соц.-рев.»». Как ни мимолетна была эта попытка, — говорите вы, — но и в ней все-таки обнаружилась одна характерная особенность всех людей и кружков, тяготеющих... к социально-революционному течению. Это — стремление не идти в хвосте событий, а толкать их вперед, требование смелой революционной инициативы» и пр. и пр.

Образовался было кружок... попробовал вмешаться... но попытка оказалась «мимолетной». Это, действительно, довольно «характерная особенность»! Когда идет систематическая работа революционирования масс, — соц.-демократия одинока. Но как только поднятая ею общественная температура дает место революционной «мимолетности», — появляется группа соц.-революционеров и пытается «самостоятельно вмешаться». Эта характеристика, данная соц.-рев. публицистом, поистине превосходна. Она полна глубокого значения. В нескольких строках с самоубийственной ясностью вскрыт исторический «смысл» возникновения всей партии соц.-рев.

В течение целого ряда лет соц.-дем. в полном одиночестве разрыхляла общественную почву, внося революционные идеи в рабочие кварталы, под громом насмешек и издевательств всего так наз. прогрессивного общества. Доктринеры, догматики, фанатики, фаталисты, социал-буржуа... целая свита таких эпитетов сопровождала русских «учеников». Эти эпитеты фабриковались отставными вождями и пророками, с которыми гг. соц.-рев. состоят в несомненном духовном родстве. И что же? Все формы оппозиционной и революционной борьбы, свидетелями которых мы были в последние годы, являются производными или отраженными эпизодами основного революционного процесса: политического пробуждения рабочего класса. Через его посредство соц.-дем. вызвала

студентов на улицу. Крестьянство, поскольку в его бунтах имеются зародыши политической идеи, восприняло их от революционизированного соц.-дем. пролетариата. Она же оживила эту бедную земскую оппозицию, подарив ей под конец в качестве вождя ех-социалиста, воспитанного на марксизме. И, наконец, — это не парадокс! — сама партия соц.-рев. обязана соц.-демократии своим существованием.

Эмансипированные от революционной доктрины, лишенные классовой силы, соц.-рев. не способны на самостоятельную революционную роль. Все, на что они уполномочены своей природой, — это «мимолетная» попытка «самостоятельно вмешаться» в ход событий, не ими вызванный, с их работой не связанный. Они хотят сразу «сорвать банк». Это вполне естественное желание для беспринципной, политически-нервной группы интеллигентов. Сегодня, после ростовских событий, она говорит о необходимости знать, где лежит оружие, где расположены войска, дабы «воспользоваться стачкой, овладеть городом», а завтра, когда попытка овладеть городом окажется неудачной, она будет призывать нас («пока!») к террористическим экзерсисам. Ва-банк! Это называется «требованием смелой революционной инициативы», «стремлением не идти в хвосте событий, а толкать их вперед»! От кого вы требуете революционной инициативы? Проявите ее! Какие события вы толкали вперед? Мы не знаем таких событий! Весь ваш революционизм есть обратная сторона оппортунизма. Вся ваша практика — полное отсутствие революционной инициативы и беспомощное, рабье заигрывание с революционным моментом...

[Н. Троцкий]

ПО ПОВОДУ ЗАЯВЛЕНИЯ БУНДА.

Мы только что получили № 106 «Последних Известий»¹⁷ Бунда (от 3/21 января), содержащий сообщение о чрезвычайно важном, решительном и до последней степени печальном шаге Бунда. Оказывается, что в России вышло заявление Центрального Комитета Бунда по поводу извещения Организационного Комитета. Вернее, впрочем, было бы сказать: заявление по поводу примечания в извещении О. К., ибо главным образом по поводу одного этого примечания и рассуждает Бунд в своем заявлении.

Дело вот в чем. Как знают наши читатели, О. К. сказал в этом ужасном «примечании», из которого (будто бы из которого!) загорелся сыр-бор, буквально следующее:

«Бунду также было предложено прислать своего представителя в О. К., но по неизвестным нам причинам Бунд не отозвался на наше предложение. Надеемся, что причины эти были чисто случайные, и Бунд не замедлит прислать своего представителя».

Спрашивается, что может быть естественнее и невиннее этого примечания? Как мог поступить иначе О. К.? Умолчать о Бунде было бы неправдой, ибо О. К. не игнорировал его, да и не мог игнорировать, пока Бунд, на основании решения партийного съезда 1898 г., входит в Росс. С.-Д. Р. Партию. А если не умолчать, то надо сказать, что мы приглашали. Кажется, это ясно? И еще

более ясно, что если причины молчания Бунда были неизвестны О. К., то он должен был именно так и сказать: «по неизвестным нам причинам». Прибавкой слов: надеемся, что причины были чисто случайные и что Бунд не замедлит прислать представителя, — О. К. заявлял открыто и прямо о своем желании работать вместе с Бундом над организацией съезда и восставлением Партии.

Очевидно, что если бы Бунд тоже разделял это желание, то ему оставалось только послать своего представителя, которого приглашали и конспиративным путем и в печатном заявлении. Вместо этого Бунд вступает в полемику с примечанием (!) и в печатном заявлении излагает отдельно и особо свои мнения и свои взгляды на задачи О. К., на условия созыва съезда. Прежде чем рассматривать «полемику» Бунда, прежде чем разбирать его взгляды, мы должны самым решительным образом протестовать против выступления Бунда с особым печатным заявлением, ибо это выступление нарушает элементарнейшие правила совместного ведения революционного дела, и особенно организационного дела. Одно из двух, господа: или вы не хотите работать в одном общем О. К., и тогда никто не посетует, конечно, на ваши отдельные выступления. Или вы хотите работать сообща, и тогда вы обязаны заявлять свои мнения не отдельно перед публикой, а перед товарищами по О. К., каковой О. К. лишь как целое выступает уже публично.

Бунд сам прекрасно видит, конечно, что его выступление бьет в лицо всем правилам товарищеского ведения общего дела, и он пытается прибегнуть к след., совсем уже слабому, оправданию: «Не имея возможности выразить свои взгляды на задачи предстоящего съезда ни путем личного участия в совещании, ни путем участия в редактировании «Извещения», мы вынуждены хотя бы до некоторой степени восполнить этот пробел в настоящем заявлении». Спрашивается, неужели Бунд серьезно вздумает уверять, что он «не имел возможности» послать письма в О. К.? или послать письмо в Спб. Комитет? в организацию «Искры», в «Южный Рабочий»? А послать своего делегата в одну из этих организаций тоже не было возможности? Пытался ли Бунд сделать хоть один из этих «невозможно» трудных шагов, особенно, вероятно, трудных для такой слабенькой, неопытной и лишенной всяких связей организации, как Бунд?

Нечего играть в прятки, господа! Это и неумно, и недостойно. Вы выступили отдельно, потому что вы захотели выступить отдельно. А захотели вы выступить отдельно, чтобы сразу же показать и провести свое решение поставить на новую почву отношения к русским товарищам: не входить в Росс. С.-Д. Раб. Партию на основании устава 1898 г., а быть в федеративном союзе с нею. Вместо того, чтобы обсудить этот вопрос обстоятельно и всесторонне перед всем съездом, как хотели это сделать мы, воздержавшиеся очень уже долго от продолжения начатой нами полемики по вопросу о федеративности и национальности, — как хотели сделать, несомненно, все или громадное большинство русских товарищей, вместо этого вы сорвали совместное обсуждение. Вы выступили не как товарищ Петербурга, Юга, «Искры», желающий сообща с ними обсудить (и до съезда и на

съезде) наилучшую форму отношений, — вы выступили прямо как сторона, отдельно от всех членов Р.С.-Д.Р.П. ставящая всей этой Партии свои условия.

Насильно мил не будешь, говорит русская пословица. Если Бунд не хочет оставаться в той теснейшей связи с Росс. С.-Д.Р.П., которую правильно наметил съезд 1898¹⁸ года, то, конечно, он не останется в старых отношениях. Мы не отрицаем его «право» проводить свое мнение и свое желание (мы вообще не прибегаем, без крайней нужды, к разговорам о «правах» в революционном деле). Но мы очень жалеем, что Бунд потерял всякое чувство такта, проводя свое мнение путем отдельного публичного выступления в то самое время, когда его пригласили в общую организацию (О. К.), не высказывающую заранее никакого категорического мнения по данному вопросу и созывающую съезд именно для обсуждения всех и всяких мнений.

Бунд пожелал провоцировать на немедленное заявление своего мнения всех, кто иначе смотрит на вопрос. Ну, что ж! От этого мы, разумеется, не откажемся. Мы скажем русскому и специально повторим еврейскому пролетариату, что теперешние вожди Бунда делают серьезную политическую ошибку, которую, несомненно, исправит время, исправит опыт, исправит рост движения. Некогда Бунд поддерживал экономизм, содействовал расколу за границей, принимал решения, что экономическая борьба есть лучшее средство политической агитации. Мы восставали против этого и боролись. И борьба помогла исправлению старых ошибок, от которых теперь, вероятно, не осталось и следа. Мы боролись против террористических увлечений, которые миновали, повидимому, еще гораздо скорее. Мы уверены, что минуют и увлечения националистические. Еврейский пролетариат поймет, в конце концов, что теснейшее единение с русским в одной партии требуется самыми насущными его интересами, что верх неразумия предпринимать заранее, будет ли эволюция еврейства в свободной России отличаться от его эволюции в свободной Европе, что Бунду не следует идти дальше требования (в Росс. С.-Д. Раб. Партии) той полной автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, которая вполне признана съездом 1898 г. и никогда никем не была отрицаема.

Но вернемся к заявлению Бунда. Примечание к «Извещению» О. К. он называет «двусмысленным». Это — неправда, стоящая на границе инсинуации. Ц. К. Бунда сам признает парой строк далее, что «причины отсутствия нашего представителя на совещании были чисто случайные». А что сказал О. К.? Он выразил надежду, что представитель Бунда не явился по случайной причине. Вы сами подтверждаете его предположение и сами же сердитесь. За что? Далее. Случайного никому не дано знать наперед. Значит, слова Заграничного Комитета Бунда, будто О. К. знал помешавшие явке причины, совсем неосновательны. З. К. Бунда играет вообще самую неприличную роль в этой истории: З. К. Б. добавляет к заявлению Ц. К. Бунда свои измышления, прямо противоречащие даже словам самого Ц. К.! Каким образом З. К. Бунда мог осведомиться, что О. К. знал причины отсутствия Бунда, когда приглашен был Ц. К. (а не З. К.) Бунда? Когда сам Ц. К. Бунда называет эти причины отсутствия чисто случайными??

«Мы уверены, — говорит Ц. К. Бунда, — что, употребив инициаторы совещания несколько больше усилий, эти случайные причины не могли бы помешать нам отозваться»... Мы спросили бы всякого беспристрастного человека: если два товарища, собирающиеся съехаться в О. К., признают в один голос, что причины, помешавшие свиданию, были «чисто случайные», то уместно ли, прилично ли поднимать публичную полемику о том, кто больше виноват в неявке? С своей стороны заметим, что мы уже давно выражали (конечно, не в печати, а в письме) сожаление по поводу отсутствия Бунда, и нам было сообщено, что Бунд был приглашен дважды: во-первых, письмом и, во-вторых, личным сообщением через ...ский Комитет Бунда.

Делегат явился почти месяц спустя после совещания, жалуетсЯ Бунд. Да, это ужасное преступление, достойное, конечно, пропечатания, ибо оно особенно рельефно оттеняет аккуратность Бунда, не собравшегося послать делегата даже и два месяца спустя.

Делегат «не выполнил своего обещания» прислать «Извещение» О. К. в рукописи или в печати, но обязательно до распространения... Мы советуем нашим русским товарищам не разговаривать с некоторыми людьми без протоколов. Мы вот уже имели обещание от организации «Искры» прислать нам и рукопись и печатный экземпляр «Извещения», но, тем не менее, рукописи не имели вовсе, а печатный экземпляр увидели гораздо позднее, чем члены организаций, не имеющих сношений с организацией «Искры». Пусть решат бундисты вопрос о том, прилично ли было бы с нашей стороны, если бы мы печатно стали обвинять организацию «Искры» в нарушении обещания? Делегат О. К. обещал Ц. К. Бунда немедленно написать товарищу, распоряжавшемуся печатанием «Извещения», о задержании этого печатания: вот каково было настоящее обещание (насколько мы можем судить по нашим сведениям). Оно было выполнено, но задержать печатание оказалось уже невозможным, ибо снести с техникой не оставалось времени.

Резюмируем: инициаторы О. К. писали письма, делали сообщения лично через ...ский Комитет, посылали делегата в Ц. К. Бунда, а Бунд в течение месяцев не послал ни одного письма, не говоря о посылке делегата! И Бунд же выступает печатно с обвинениями! И З. К. Бунда имеет странность уверять, что «странно» вели себя инициаторы совещания, что их действия стоят в резком противоречии с их целью, что они проявили «поспешность» (Ц. К. Бунда, наоборот, обвиняют в медленности!), что они хотят «произвести впечатление», будто Бунд» отнесся индифферентно»!!

Нам остается еще сказать несколько слов по поводу обвинения О. К. в том, что он не сделал «единственно правильного вывода», состоящего в следующем: «Раз Партия фактически не существует, то предстоящий съезд должен носить характер учредительного, а потому право участия в нем должно принадлежать всем существующим в России соц.-дем. организациям как русской, так и всех других национальностей». Бунд пытается обойти тот неприятный для него факт, что, не имея единого центра, Росс. С.-Д. Раб. Партия существует в ряде комитетов и органов, имеет «Манифест» и решения первого съезда, на котором, между прочим, и от имени еврейского пролетариата действовали люди, не преуспевшие

еще в экономических, террористических и националистических шатаниях. Выдвинувши формально «права» «всех» национальностей на учреждение давно уже учрежденной Росс. С.-Д. Раб. Партии, Бунд наглядно подтверждает этим, что именно из-за вопроса о пресловутой «федерации» и поднял он всю историю. Но не Бунду бы об этом вопросе заговаривать, и не о «правах» должна тут идти речь между серьезными революционерами. Что на очереди дня стоит сплочение и объединение главного ядра Росс. С.-Д. Раб. Партии, это всем известно. Нельзя не сочувствовать представительству на съезде «всех» национальностей, но нельзя и забывать, что о расширении ядра или о союзе его с другими организациями можно думать только после завершения образования (или, по крайней мере, после несомненного упрочения) этого ядра. Пока мы сами не стали едины организационно и не встали твердо на верный путь, соединение с нами ничего не даст «всем другим» национальностям! И решение вопроса о возможности (а не о «праве», господа!) представительства на нашем съезде «всех других» национальностей зависит от целого ряда тактических и организационных шагов О. К. и русских комитетов, зависит, одним словом, от успеха деятельности О. К. А что Бунд с самого начала постарался бросить палки под колеса О. К., это — исторический факт.

[Н. Ленин]

ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ГАММА.

Русский интеллигент скоро захлебнется в волнах идеализма¹⁹. С 1 марта в Петербурге начнет выходить ежедневная газета «Заря», очевидно, в противовес штуртгартской «Заре». Редактировать ее будет Ярмонкин, автор «Писем идеалиста». Цель газеты, по словам об'явления, — «проводить в сознание образованного общества идеи правды и добра». Благородная цель попала в надежные руки.

Не слагает идеалистического оружия и автор «Письма к ближним», г. Меньшиков²⁰, состоящий на содержании у г. Суворина, который в свою очередь состоит на содержании у министерства финансов, а впрочем и у других лиц и ведомств...

Г. Минский²¹, г. Мережковский²², г. Розанов²³, г. Перцев... ведь это все идеалисты, все божьи работники по части проведения, куда следует, идей правды и добра.

Через христианскую теософию Булгакова эта плеяда связывается с созвездием «Проблем идеализма»... Их двенадцать этих звезд более или менее первой величины.

Идеализм критико-философский, идеализм христианский, идеализм нововременский... Который из них достолюбезнее?...

Мы готовы, впрочем, думать, что это не разные типы, а лишь разные степени. Бедный г. Бердяев²⁴ быстро, точно кот в сапогах, шагает в сторону гг. Волюнских²⁵, Минских и Мережковских...*. Различные этапы

* В своей статье г. Бердяев с гордостью заявляет, что со времени появления его книги он «далеко ушел вперед» — в сторону «метафизического идеализма и спиритуализма».

«ищущего духа» мелькают перед взорами читателя, точно в панораме. Кто знает, что будет завтра?

Приятно после этой скачки отдохнуть душой на вполне законченном идеализме г. Сигмы и его коллеги г. Меньшикова. Здесь нет места ни опасениям, ни надеждам. Все ясно.

Узколобые материалисты, — жалуется г. Сигма, — утверждают, что «человек есть химическое соединение, вскипшее на особых дрожжах жизни», и все это говорится для того, чтобы сказать, что бога нет, что нет ничего выше человека и что обязательно только то, чего желает человек. А если человек — бог, то ему некому молиться, не перед кем каяться, не из-за чего страдать. На место закона ставится человеческая воля, на место мирового разума — рассудок человеческий, вместо космоса — анархия, вместо лада — разброд. С глубоким раздумьем останавливается г. Сигма перед двумя «лестницами мысли»: «или точные науки, развитие мышления, обоготворение человеческого ума, анархия; или гармоническое развитие духа, свобода совести, общинность, гармония жизни» (патриархальное грабительство)?

Вспомнив, очевидно, о призыве г. Булгакова от Маркса назад к Николе-чудотворцу (от «ограниченной западной науки» — к «христианской теософии»), г. Сигма справедливо замечает: «В самом деле, что такое современные попытки спиритуалистов, как не примирение точных наук с умозрительными выводами церковного знания? Возьмите, — продолжает благочестивый построчный идеалист — увещания Антония Великого, пустытника IV века, старавшегося обожить, сделать богоподобными * египетских рыбаков и ребят... Способ уразуметь бога, — учил пустынножитель, — есть благость. Дело благого человека не продавать свободное произволение, внимая приятию богатства, если бы и вельми много было ему даваемо («ни за какие блага мира, ниже за власть и успех в жизни» — вторит г. Бердяев). Ибо сну подобны суть житейские вещи и богатство есть только безвестная и маловременная мечта».

«... Единственно, чем народ воспитывается, — дополняет г. Меньшиков своего товарища, — это религией: кроткая религия, серьезно проповеданная темным массам, в состоянии дать человеческой душе облики самого высокого благородства».

Как хорошо было бы в самом деле раз навсегда внушить этим «темным массам» через посредство «кроткой религии», что «богатство есть безвестная и маловременная мечта», а гнет и эксплуатация, как «житейские вещи», суть подобны сну!..

Тут мы подходим к блаженной памяти идеалисту государственно-полицейскому Леонтьеву, который просто и ясно говорит: «религия — это великое учение... столь практическое и верное для сдерживания людских масс железной рукавицею».

Вот она полная идеалистическая гамма.

— Прочь грязные руки! — вопит Бердяев **, заметив,

* Точь в точь, как и г. Бердяев, который учит нас, что «своего права на образ и подобие божества (курсив авт.) нельзя уступить ни за какие блага мира, ни за счастье и довольство... ни за власть и успех в жизни» («Пробл. идеализма», стр. 136).

** См. его книжку.

что в «храме» идеализма его окружает не весьма опрятное общество... А Всемирный Дух смотрит на маленького растерянного Бердяева с высоты храма и иронически смеется...

[Н. Троцкий]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Москва. (Из частного письма.) Сообщаю вам сейчас полученные сведения о состоявшемся на Рождестве в Москве учительском съезде. Эти сведения принадлежат голосу из публики... «О съезде вы, вероятно, читали уже и представляете себе, в чем он заключается. Дело не обошлось без скандала, но зато скандала очень и очень поучительного. Из-за него чуть-было не закрыли съезда раньше времени. События происходили в следующем порядке: еще на одном, прежде бывшем, заседании читался доклад г-жи Вагнер «Правовое положение учителя»; на заседании секции съезда его разбирать не стали, а передали в комиссию. Комиссия разработала этот доклад и наметила целый ряд коренных изменений в положении учителей, который и представила на рассмотрение съезда. В следующее заседание председатель, после чтения доклада комиссии, заявил, что он не может допустить обсуждения всех затронутых им вопросов, в виду известных законоположений. Один из делегатов ответил на заявление председателя горячей речью, полную горькой правды о бесправном положении нашего учителя, которого лишают, кроме того, еще права говорить об этом положении. Кончив свою речь, он демонстративно удалился из залы заседания; за ними последовали почти все делегаты и публика. Настроение было бодрое, приподнятое; все действовали дружно. Тотчас был написан протест против председателя за такое ведение дел. На другой день в начале заседания один из делегатов просил слова для объяснения по поводу вчерашнего инцидента. Председатель не дал ему слова и настаивал на переходе к чтению следующего доклада. Делегаты и публика протестуют, председатель звонит, но ничего не может сделать. Наконец, дело кончается голосованием, причем 40 голосов оказалось за предложение председателя и 34 — против. Высказавшиеся отрицательно покинули зал заседания. Они собрались в одной аудитории и начали говорить о том, как нужно действовать дальше. Каждый высказывал свое мнение и, наконец, договорились до того, что было предложено выразить порицание министру за такие ужасные законы, что нельзя говорить о самых обыкновенных вещах; высказывались за закрытие съезда, раз нельзя говорить свободно, и многое, многое кое-что говорилось. Кн. Долгоруков высказался за то, что гораздо более разумнее довести дело до конца — остался всего один день, что нужно дорожить, что при современных условиях удалось добиться хотя и такого съезда, и т. п. При этом он заметил, что нужно было действовать не так, как они это сделали, т. е. открыто заявить свой протест и отказаться присутствовать на заседании. — «Это напоминает собой действия студентов». — Многих задело это заявление. Один из присутствовавших ответил кн. Долгорукову, что они не только не выражают порицания студенческим волнениям, а наоборот, высказывают им полное сочувствие. («Браво!» из публики.) Завтра будет закрытие съезда...»

От редакции. Мы еще в первом номере «Искры» обращались с призывом к народным учителям. Поздравим же их с тем, что они удостоились выслушать от благоразумных пискарей сравнение их с протестующими студентами. Пожелаем им поскорее заслужить своей политической борьбой сравнение и с революционным пролетариатом!

К юбилею В. Д. Новицкого. Адрес. Киевский Комитет Российской Соц.-Демократической Раб. Пар-

тии генералу Новицкому по поводу двадцатипятилетия его жандармской деятельности и предполагаемого оставления им поста начальника Киевского губернского жандармского управления.

Ваше Пр-ство, Высокопочитаемый Василий Дементьевич!

До нас дошли вести, что вы, ваше превосходительство, собираетесь покинуть тот пост, на котором вы со славой подвизались уже четверть века; они повергли нас в глубочайшую скорбь. Не думайте, ваше превосходительство, что это — шаблонная фраза, столь обычная при проходах высокопоставленных лиц. Нет, не имея высокой, хотя, может быть, несколько опасной чести быть лично известным вашему превосходительству, мы не видим нужды заискивать перед вами и говорим от полноты сердца.

Четверть века стояли вы на своем посту. Многие тысячи лиц подвергнуты вами за это время аресту, еще большее число — обыскам, несколько сотен людей отправили вы в более или менее отдаленные места Европейской и Азиатской России. При этом у вас была своя система. Лишь в редких случаях вы искали себе жертв в рядах той или другой революционной фракции, и систематически избегали трогать нас, — членов комитета социал-демократической партии, уже по многу лет принадлежащих к его составу. Наша новая типография существует в Киеве уже почти четыре года; за эти годы бесперывной работы шрифт успел стереться, и хотя за это время вы обшарили не менее тысячи квартир, но при этом вы всегда выбирали именно те, где типографии нет и быть не может. Зато вы охотно направляли ваши удары на умеренно-либеральных представителей интеллигентного и буржуазного общества, когда те каким-либо образом, основательно или неосновательно, приобретали себе репутацию людей не-благонамеренных; ваши удары падали на студентов, недовольных университетскими порядками; всего чаще — на рабочих, причем вы никогда не считали нужным разбирать, кто из них принадлежит к социал-демократической партии, кто ей только сочувствует, а кто даже и вовсе не сочувствует.

Нам не дано проникнуть в глубокий, но сокровенный смысл ваших целей, но мы хорошо знаем, что сотни людей из интеллигентного общества, ранее бывших либералами, колебавшимися, иногда даже консерваторами, и тысячи рабочих, никогда ранее не задумавшихся о своем положении, на которых не действовали самые горячие наши убеждения, — приходили к нам после того, как они оканчивали курс в школе вашего превосходительства. Вас упрекают за жестокость, многие говорят о вашем бездушии и свирепости, некоторые по поводу вашей деятельности вспоминали того щедриновского генерала Топтыгина, которого послали «учинять кровопролития» и который вместо того «чижика с'ел», но мы считаем такое сравнение неправильным, так как, во-первых, мы не раз учиняли действительные «кровопролития», а во-вторых, и с'еденный вами чижик своим предсмертным писком немало содействовал пробуждению киевских обывателей от их векового сна.

Либеральные и просто мирные обыватели Киева говорят о вас с ужасом и ненавистью, чуть ли не пугая вами маленьких детей; с ненавистью и злорадством они повторяют слухи о вашем покровительстве притонам тайного разврата. Но мы не имеем основания ни ненавидеть вас, ни бояться. Напротив, именно вы, благодаря всем только что отмеченным чертам вашей деятельности, помогли нам стать на ноги, окрепнуть и развернуть нашу деятельность во всей ее нынешней широте.

Глубоко благодарные вам за все ваши услуги, мы не без зависти смотрим на наших московских товарищей, которые отныне, судя по газетным слухам, будут осчастливлены вашей помощью, и шлем вам пожелание еще многие годы продолжать вашу столь же целесообразную деятельность, хотя и вдали от нас. Мы уверены, что высшее начальство и впредь будет оказывать вам свое благоволение, как оно его оказало в текущем году, вверив вам ведение всероссийского дела о революционной организации «Искры». Вы любезно предоставили возможность десяти обвиняемым по этому делу уйти из Киевской тюрьмы и, затем, благоразумно направили следствие по ложному следу. Если слух о переводе вашем в Москву не окажется газетной уткой и вы действительно покинете нас, смеем

надеяться, что ваш заместитель окажется достойным вас. Преданный вам

Киевский Комитет Росс. Соц.-Демократической Рабоч. Партии.

Новый успех генерала Новицкого. Генералу решительно не везет в его борьбе с «Искрой». Незадолго до августовского побега из Киевской тюрьмы туда была привезена нелегальная, арестованная 7 августа в Кременчуге на вокзале с литературой «Искры». Нелегальная оказалась Инной Леман (урожд. Смидович), раньше посланной по делам Спб. Союза на 4 г. в Вятск. губ., откуда бежала в 1899 г. Привлеченная по делу «Искры», И. Леман была подвергнута, не в пример прочим, «строгому одиночному заключению», которое, конечно, усилилось после августовского побега. 13 января И. Леман последовала примеру своих товарищей и покинула гостеприимную Киевскую тюрьму, причем для совершения своего побега избрала логовище самого генерала Новицкого — жандармское управление. О подробностях побега сообщим в следующем номере. Пока же выразим надежду, что администрация, которая за августовский побег привлекла к суду помощн. начальника тюрьмы Сулиму, заподозрив его соучастие, не замедлит ныне обратить свое подозрение и на жандармского юбиляра.

Печать патриотического доноса о Финляндии. Леонтьев, «знаменитый» наперсник «знаменитого» Каткова, говорил: «Пора перестать слову „донос“ придавать унижительное значение». Эта фраза была не простой цинической выходкой, но удачной формулировкой политической программы нашей реакционной печати. «Моск. Вед.», «Свет», «Гражданин», «Новое Время» всей своей газетной практикой стараются привить обывателю эту срамную мысль, что благовременный донос есть естественная функция человека и гражданина.

«Политический горизонт» Финляндии, — читаем мы в одном из последних №№ «Нов. Вр.», — попрежнему покрывает тучами... Всюду наблюдается внешнее спокойствие, но подпольная работа местных крамольников в полном ходу... Агенты шведской партии разошлись по краю и удвоили свое усердие в деле распространения смуты. Нелегальные сходки продолжают... Суда в Финляндии, в сущности, теперь нет, ибо политиканствующие судьи не жрецы закона, а слуги партии смуты. На свободе по той же причине остаются и главаря агитации, но с ними недолго справиться путем некоторых административных полномочий, предоставленных начальнику края (№ 9648). Что это? Газетная статья или секретное донесение полицейского агента, по недоразумению попавшее в печать? И это в такое время, когда у нас даже «главаря» мирной земской «агитации» устраняются при помощи «административных полномочий», когда вся страна изнывает в борьбе с тем самым режимом, который теперь стремятся ввести в Финляндии... И петербургская газета открыто служит делу самодержавного сыска в непокорной Финляндии! И русское образованное общество не находит средств, чтобы заставить замолчать эту похотливую тварь.

Позор, позор, позор!!

«Моск. Ведомости», ратуя за введение в Финляндии русских судов вместо финляндских, «потакающих крамоле», говорят: «... нигде так близко не узнает финский народ русской сердечности, русской справедливости и русского великодушия, как в русских судах, действующих именем российского монарха!». Вот именно!.. Последние политические процессы могут служить для финляндцев превосходной иллюстрацией этой «патриотической» мысли. Беспощадная жизнь! Охранительный пафос она с тонким коварством превращает в революционную сатиру.

Юбилейное холопство. Одесский городской голова отправил президенту Академии Наук вел. кн. Константину Константиновичу следующую телеграмму:

«Представители печати, Общества вспомоществования литераторам и Общества любителей науки, совместно с 400 наборщиками, празднующая двухсотлетие периодической

печати и вспоминая неусыпные (!) труды вашего высочества на пользу просвещения и в честь литературы, единодушно (!!) почтительно приветствуют ваше высочество, прося принять сердечные пожелания многих лет и многих сил для процветания и славы (!) родной литературы».

«Слава родной литературы» — это князь Константин, исключивший по полицейско-сыскным соображениям М. Горького из Академии Наук. И одесские литераторы, в союзе с наборщиками, «единодушно и почтительно» склоняются перед одним из насильников «просвещения и литературы». Что это? Фальсификация «единодушия» со стороны одесского городского головы? Или политическое растление деятелей одесской печати?

Самара. В конце 1902 г. в Самаре впервые появились прокламации за подписью Самарского Комитета Росс. Соц.-Дем. Партии. Прокламаций с этой подписью было всего три. Одна, коротенькая, на полулисте, обращала внимание товарищей на пример рабочих других городов, поднявшихся против экономического и политического гнета, и указывала на демонстрации как на средство политического протеста, заканчиваясь призывом в светлое царство социализма. Другая выпущена была специально на винный завод, где в то время намечались следующие поводы недовольства: сокращение числа праздников (отняты были Сретение, Николин день, третий день Рождества и Пасхи и др.); принудительная безвозмездная работа для устройства сцены и декораций для домашних спектаклей и, наконец, несправедливо наложенный штраф. Прокламация говорила о всех этих притеснениях и призвала к протесту. В третьей, программной, разъяснялось значение соц.-демократии и намечалась в общих чертах программа деятельности Самарского Комитета: освещать все назревающие нужды самарского пролетариата, не теряя из виду общего дела партии, пробуждать политическое самосознание в тяготеющих к Самаре крестьянских массах, пробуждать самарское либеральное общество от его постыдного равнодушия к делу народного освобождения.

Непосредственно практический результат листки эти дали на винном заводе, где после третьей прокламации администрация завода вернула праздники, отменила несправедливый штраф и назначила плату за работу по устройству театра. Ученье эффект, произведенный прокламацией в других местах, не представляется возможным, так как никаких ближайших непосредственных нужд листки не касались. К числу недостатков первого опыта систематической агитации в местных массах следует отнести недостаточно популярное изложение задач соц.-демократии в третьей прокламации, на что со всех сторон слышались жалобы. Надо надеяться, что Комитет впоследствии примет более верный тон в разговоре с массами. Некультурность и малоподвижность местного рабочего, в массе принадлежащего к имеющему оседлость в Самаре мещанству и недавно оторванному от земли крестьянству, сказались в том, что в некоторых местах, напр., на спичечной фабрике Зелихмана (все) и в ж.-д. мастерских (часть рабочих) доставили найденные листки в контору. В других местах (тип. Левенсона, на мельнице Бобермана и на зав. Журавлева) мастера и некоторые рабочие указывали полиции на подозрительных рабочих. Особенно отличился в этом отношении мастер токарного цеха Журавлевского завода Райков, и раньше проявлявший свои шпионские способности. По его наветам арестованы два брата Мальковы, Хальцов и еще один рабочий. Прокламация найдена лишь у одного из Мальковых. Обсидки были на трех мельницах: Бобермана, Шадрина и Ромашева. У первого взято трое рабочих. По оговору одного из них арестован и выпущен через три дня бывший раб. тип. Яковлева Балов. При допросе квартирной хозяйки одного из рабочих жандармы разыграли комедию приведения к присяге (без священника): поставили икону и портрет царя и велели говорить правду и никому не рассказывать о допросе.

В декабре же вышла прокламация «Группы объединенного протеста» по поводу небольшого волнения на фельдшерских курсах из-за грубого обращения одного из врачей с учащимися. Прокламация призвала всех учащихся

к объединению на почве борьбы против притеснений непосредственного начальства.

Иркутск. Нами получены четыре прокламации Иркутского Комитета Сибирского С.-Дем. Союза №№ 12, 15, 16 и 17. Первая, от 10 ноября, «К новобранцам», описывает борьбу рабочих, восстание крестьян и заканчивается словами: «Как в тюрьме вся Россия. И немоготу стало это: в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Саратове, Батуме и многих других городах пошел народ толпой на улицы. Впереди несли знамена, на которых выставил народ свои требования и желания; было там написано: „Долой царское самодержавие, да здравствует свобода, да здравствует социализм!“. Всполошилось правительство и послало солдат. И темные солдаты стреляли в народ. В кого стреляли солдаты? В своих друзей, своих близких, в рабочих, в крестьян. Кого защищали они? Своих врагов: царя, хозяев, помещиков. Новобранцы! На такие же позорные дела, на такую же позорную бойню могут вас послать; и когда вы, с ружьями в руках, будете стоять перед толпой своих же братьев, и услышите команду „стреляй!“, вспомните тогда, кто вы? в кого должны стрелять? кого защищаете? Вспомните, что до службы вы были такими же людьми, как те, в кого вам велят стрелять; что после службы вы опять вернетесь в их среду. Вспомните, что ваши братья и сестры борются за счастье рабочего народа, за ваше собственное счастье. И когда вы это вспомните, вы повернете дула ваших ружей против тех, кто приказывает вам стрелять в ваших друзей, — против царских слуг, против защитников хозяев-богачей».

Вторая, «Еще о ростовской и тихорецкой бойнях», посвящена ростовским событиям. «Смотрите, — говорит прокламация сибирским рабочим. — Они (правительство и его слуги) напали на наших безоружных ростовских товарищей, и десять раз они, вооруженные, должны были позорно отступать. А, ведь, у рабочих были только голые, мозолистые руки да правдивое, смелое сердце. Но придет время, и в мозолистых руках рабочего люда окажется не камень, а оружие. Рабочий сумеет взяться за него и раздавит тогда своих убийц. Товарищи! Готовьтесь же повсюду, где бы вы ни были, к великой, славленной борьбе. Царское самодержавие должно пасть: русский рабочий, хоть он измучен и задавлен неволей, умеет бороться, как герой. Привет наш из далекой Сибири товарищам-борцам! Вечная память погибшим в бою братьям! И будь же ты проклят, царь-убийца!

Но страшишь, грозный царь,
Мы не будем, как встарь,
Безответно сносить свое горе;
За волною волной, подымаясь от сна,
Люд рабочий бушует, как море.

Твой роскошный дворец
Мы разрушим в конец,
И лишь пепел оставим от трона;
А порфиру твою мы отъемем в бою
И порежем себе на знамена.

Фабрикантов-купцов,
Твоих верных сынов,
Мы, как тучи, разведем по полю;
А на место вражды да суровой нужды
Установим мы счастье и волю».

Третья прокламация сообщает о борьбе омских и красноярских ж.-д. рабочих (о ней уже было известие в «Искре»), призывая готовиться повсеместно к борьбе за политическую свободу и за социализм.

Прокламация № 17, от 6 дек., посвящена «именинам» Николая Романова.

Как строятся наши железные дороги. Постройка Ташкентской ж. д. за последнее время быстро подвинулась вперед: так, по крайней мере, сообщают газеты; но чем сопровождается это «подвинулась вперед», — в газетах ни-гу-гу. Не стоит говорить об общитывании рядчиками рабочих, о чрезмерной эксплуатации, о ямах, покрытых соломой, носящих название барачных, о щях из

гнилых сушеных овощей — все это слишком заурядные явления, чтобы об этом стоило говорить. Ни одна постройка жел. дороги не обошлась без этого: примером могут служить порядки на постройке Волго-Донской жел. дор., увековеченные статьей Добролюбова: «Опыт отучения людей от пищи». Но на постройке Ташкентской дороги недавно произошел случай, который заставил многих задуматься. Одним из крупных подрядчиков на постройке этой дороги был некий Калита, осенью 1902 г. обанкротившийся. Многие тогда укоризненно покачивали головами и жалели о «бедных» пострадавших кредиторах Калиты. Никто не знал о той трагедии, которая разыгрывалась в среде его рабочих на седьмом участке, закончившейся страшной катастрофой. Выдачу денег рабочим Калита под разными предлогами затягивал и, обанкротившись, совсем перестал платить. Ограбленные, таким образом, рабочие решили двинуться пешком за 450 верст в Оренбург. Это было в то время, когда в степи морозы достигали 30 градусов и многие рабочие в ситцевых рубахах, в дырявых сапогах отправились в дальний путь. Калита, по договору, к наступлению холодного времени должен был доставить рабочим теплую одежду и обувь, и, конечно, этого не исполнил. Рабочим путешествие в такую стужу, чуть не нагишом, даром не обошлось: многие себе отморозили руки, ноги и лицо, а 46 чел. за Ак-Тюбе замерзли совсем (по другим источникам число мертвых от 25 до 35 чел.). Рабочий отдал Калите свою рабочую силу, — другими словами, все свое существование, а взамен этого получил систематическое голодание и, в конце концов, смерть, вдали от родной деревни, в киргизской степи. Вот благодеяния, которыми капитал дарит род человеческий... Постройка Ташкентской дороги будет скоро закончена, и первый поезд, после торжественного молебствия, с громкими речами о культурной миссии железнодорожных жандармов, двинется по трупам убитых адской эксплуатацией рабочих. Говорят, что Калита обанкротился, благодаря вымогательствам казенных инженеров. Если это так, то в смерти 46 рабочих, кроме Калиты, виновно наше самодержавно-попечительное правительство. Еще одна капля в том море крови, которое оно пролило и проливает.

Тифлис. Здешний Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии выпустил печатную прокламацию следующего содержания:

«Товарищи! Правительство, этот ярый враг народа, не дремлет! Оно о том только и думает, как подавить народные движения, как задушить голос правды, и тем дать больше простору своему зверскому произволу. Ему уже недостаточны полиция, войско, жандармы и тюрьмы, оно переходит к высылке наших братьев. Тифлиским манифестантам 22 апреля объявлено изгнание из отечества. Да, изгоняют, и за что? За то, что они героически противостояли врагам, за то, что они публично подняли знамя истины и благосостояния. И вот правительство объявляет им: мы не желаем для вас ни истины, ни благосостояния, вы родились рабами и оставайтесь ими! Они открыто потребовали свободы слова и собраний. На это правительство отвечает: ваша свобода — ограничение нашего произвола, а облегчение вашего ига — наша могила. Рабочие! Вы видите, как безжалостно обращается с нами правительство, какими зверскими мерами хочет затупить пробуждающееся в нас сознание человеческого достоинства и воскресить старое холопство. Нет! Не хотим мы прежних кандалов, — они уже сброшены, разрушены, и никакая сила нас к ним не вернет, в них не закует. Нет! Нас не вернуть к старинному неведению, оно уже рассеяно лучами истины. Пусть нас ссылают, пусть наказывают; это нас не сломит, ни на миг не остановит и не заставит свернуть с нашего пути. Будем помнить, что за нами правда, за нас весь рабочий Кавказ и вся рабочая Россия. Пусть нас гонят с родины, мы и в России найдем почву для своей работы, — в России, где давно уже поднято знамя революции и весь народ волнуется. Мы с еще большей энергией пойдем с ними и, разрушив существующий «порядок», с торжеством вернемся на родину. Товарищи! Теперь больше, чем когда-либо, нужна работа, работа дружная, с удвоенной энергией, теперь-то и нужны сила воли и решимость, чтобы ускорить оконча-

тельное падение произвола и тем приблизить час освобождения наших изгнанных товарищей. Изгнанные товарищи! Как видите, ваше возвращение на родину зависит от разрушения существующего деспотизма, а потому, где бы вы ни были, в каком бы положении вы ни очутились, не забывайте ни на минуту нашей общей цели, не изменяйте общему делу и продолжайте борьбу против царизма. В этой надежде прощаемся мы с вами, наши самоотверженные друзья, с пожеланием счастливого пути, туда, для продолжения борьбы и победоносного возвращения сюда... Да здравствует свобода! Долгой царизм!»

Саратов. В ночь на 1 ноября в Мариинском земском училище произведен поголовный обыск у учеников и четырех преподавателей. Забрали 10 учеников. В ночь на 19 декабря обыск снова повторился. Арестовали еще 4 учен. Преподаватели на свободе. У них забрали переписку, которая возвращена. Кроме этого, в том же селе (училище в 40 верст. от Саратова) арестованы крестьянин Александр Кузнецов, один рабочий и председатель артели кузнечно-слесарной мастерской; много учеников отдано под надзор полиции до суда.

«Надежды Ростова-на-Дону». Так в «Нов. Вр.» озаглавлена корреспонденция из Ростова. Надежды — на что? На учреждение в Ростове... особого градоначальства. Вопрос о самостоятельном ростовском градоначальстве поднимался не раз. Но только теперь вопрос получит, повидимому, практическое разрешение, «своевременность» которого несомненно доказана ростовскими событиями. Недаром корреспондент сколько-нибудь упоминает о «кочующих рабочих» и выражает жалобу на то, что Ростов в полицейском отношении лишен необходимой развязности и свободы административных телодвижений, так как соединен с Нахичеванью.

Один ответ на все запросы жизни, одно разрешение всех задач — еще жандарм, еще шпион, еще пристав, еще градоначальник.

Письмо в редакцию. Не имея возможности снестись с органами литовских организаций, обращаюсь к вам с просьбой обратить внимание лиц, коим близки и знакомы интересы литовского народа, на след. обстоятельство.

Все пограничные тюрьмы (литовского района) полны крестьян «политических» преступников, обвиняемых и обвиненных за транспорт, распространение и даже одно пользование литовскими молитвенниками, напечатанными латинским шрифтом. Преследуется самый шрифт, так как в молитвенниках этих ничего «предосудительного» не находят даже учреждения, преследующие их*.

В российском законодательстве существуют «пункты и параграфы», ограничивающие и дозволяющие печатание литовских книг латинским шрифтом. Существует об этом и высочайшее повеление и даже какое-то особенное, коему хотя и «придается сила и форма закона», но оно «не публикуется ко всеобщему руководству» (судьба всех остальных высочайших повелений!). Вот газетное сообщение об этом не лишенном интереса деле:

14 дек. 1902 г. в соединенном присутствии первого и гражданского кассационного департаментов сената слушалось дело инженера Мацевского с бывшим начальником главного управления по делам печати князем Н. В. Шаховским по поводу конфискации последней географической карты Литвы. Докладывал дело сенатор Эйден, заключение давал обер-прокурор Щербачев. Со стороны истца выступил прис. пов. А. В. Каминка, со стороны ответчика — прис. пов. Чистяков. Из прений сторон выяснилось, что в 1900 г. инженером Мацевским была издана и напечатана у братьев Ильиных в Петербурге совершенно легальным путем географическая карта Литвы, на которой литовские названия рек и селений изображены латинским

* Правда, в них находят часто листки «преступного» содержания, но надо полагать, что это вызвано лишь не-легальным положением этих книг вообще.

шрифтом. Карта эта беспрепятственно распространялась восемь месяцев. Затем князь Шаховской распорядился изъять эту карту из обращения по России повсеместно. На это распоряжение Мацневский принес кассационную жалобу в сенат, доказывая, что князь Шаховской превысил свою власть, что конфискация подобного издания могла бы исходить только от министра внутренних дел, с разрешения комитета министров. В случае появления в свет изданий, опасных в государственном или общественном смысле, совету управления по делам печати предоставляется право арестовывать издание, с тем, однако, условием, чтобы против издателя было возбуждено немедленно уголовное преследование. В данном случае и это условие не было выполнено. Князь Шаховской в оправдание своих действий представил циркуляр министра внутренних дел от 13 сентября 1865 г., за № 141, и ссылался на высочайшее повеление о воспрещении частных литовских изданий с латинским шрифтом. Поверенный истца на суде подчеркнул, что высочайшее повеление печатать литовские издания русским шрифтом существует только для казенных изданий, что согласно разъяснению сената, высочайшие мнения, которым придается форма и сила закона, непременно публикуются ко всеобщему руководству, чего нет по отношению к литовским изданиям. Даже если бы признать наличность ограничительных мер по отношению к литовским изданиям, то их следовало бы применять при выходе изданий в свет, а не спустя восемь месяцев. Правительствующий сенат внял доводам истца и вынес резолюцию: признать за инженером Мацневским право взыскать с князя Шаховского убытки в размере 1.200 руб.

Поверенный истца подчеркивал на суде разные стороны узаконений о печатании литовских изданий, указывая, что запрещение не относится к частным изданиям. Трудно сказать, чтобы именно эти указания послужили мотивом решения суда в пользу истца, но, во всяком случае, вопрос этот не мешало бы детально рассмотреть, так как, если проводить последовательно неопровергнутое сенатом толкование высочайшего повеления поверенным Мацневского, то, быть может, судебным порядком можно было бы добиться освобождения из тюремных камер массы людей и открыть возможность распространения изданий, напечатанных знакомым народу шрифтом.

Повторяю: «темна вода во облацех», и краткие сведения о высочайшем повелении в связи с циркулярами, упомянутыми ответчиком, дают очень мало, но детальное исследование их, быть может, даст основание для судебных преследований нежелательного явления. Тем более, что опыт г. Мацневского может послужить некоторым источником знаний в этой области. Быть может, удастся восстановить погрешные права латинского шрифта!

Письмо в редакцию. Факт предательства Вележева вполне правильно изложен в № 20 «Искры». К этому могу добавить только следующее: перед началом разговора с Вележевым я спросил его, одни ли мы в квартире? Вележев ответил утвердительно, что в квартире, кроме нас, никого нет, и что я могу говорить вполне откровенно. В течение нашего разговора Вележев выходил раза два или три под предлогом посещения амбулатории.

Вскоре после ухода Вележева в последний раз явился женская прислуга и потребовала от имени барина, чтобы я немедленно удалился. Уходя, я заметил в одной из комнат находящегося в засаде дворника, который старательно прятался от моих взоров. Не прошло и восьми минут, как я вышел из квартиры Вележева, у околицы села меня арестовали. Донести мог только Вележев.

Женева. 20 декабря н. с. 1902 г.

Н. Бауман²⁶.

Городовой и политика. Ехал я из Екатеринослава. Около меня уселся детина громадного роста, который вскоре вступил со мною в разговор. Как оказалось, он служил городовым в Екатеринославе, теперь же расчитался и ехал искать себе места. «Почему же вы бросили службу?» — спрашиваю я его. — Какая наша служба! Что городовой, что собака — один чорт! Губернатор наш так просто зверь: человека совсем не жалеет; полицейстер тоже с — с — и прямо шкуру дерет с нашего брата.

Напр., в нашей части 44 человека, так 24 в денщиках у губернатора, у полицмейстера, у приставов и у других, а тебе нет ни дня ни ночи. То пожар в городе, то воров ловить надо, то политических. — «Каких-таких политических?» — Как каких, а которые политику разную пушают. — «Что же они делают?» — А бумажки разные бросают. Вот вчера нас 50 чел. погнали политических ловить; оцепили дом и пробрались в квартиру, а там в одной комнате 12 чел. и сидит. А бумажек, бумажек тьма тьмущая и много разных плантов. Счастье их, что они смирно сдались, а то нам было приказание: чуть что, лупи их, подлецов, ответственности за это никакой, еще награду получишь. — «Чего же хотят политических?» Он почесал затылок. — Они хотят, чтобы я, напр., был три года царем, а потом к чорту; после меня, напр., вы. А не понравился я, другого на мое место. Да! — «А кто же это все бунтует?» — Студенты больше всего. Вот я, напр., знаю одного барина полковника, у него 12 тыс. десятин земли и еще жалованье ему от казны, сыны его так те на военной службе, чего ж ему бунтовать?! А вот студенты, они всякую науку превзошли, всеякие такие курсы учили и всякое происшествие знают, а вот делов никаких, вот они и бунтуют, чтобы, значит, местов им хороших дать, так-то! — «Неужто только студенты бунтуют?» Городовой в недоумении развел руками. — Да, нет, мешане и наш брат мужик лезет, а все, должно быть оттого, что плохо им живется, — от хорошего житья не станешь бунтовать. — «За что же вы их ловите?» — Как же их не ловить! Государь, значит, хочет сделать разные облегчения нашему брату мужику, а они бунтуют и мешают ему. Он их боится и ничего для нас не делает, а как всех бунтовщиков перебьем, тогда насчет облегчения и выйдет. Нам наше начальство так говорило...

Вот как царские чиновники наставляют «пушечное мясо» против его защитников!

Бунтовщик.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Приозерного края. Полтавско-харьковские страхи задают тревогу полицейскому начальству и нашего Приозерного края. В Старорусском у. имеется поместье дворянина Сократа Николаевича Дирина. Этот человек, известный у нас как мот и прощальга, служит вице-губернатором в Курляндской губ., в поместье же назначил крестьянина за 20 руб. в год. Крестьянин оказался с знанием всех четырех правил арифметики и, видя свою нужду и нужду мужицкую, смекнул, как можно эту нужду подправить. Он предложил крестьянам воровать помещичий лес, с платой ему за уворованные бревна. Такса оказалась настолько дешевой, что с ней не могли конкурировать таксы известных наших казнокрадов-чиновников лесного ведомства. Дело пошло ходко, и крестьяне ездили за помещичьим лесом, как за своим. За эти проделки сметливого управляющего заменяют другим. Новоиспеченный управляющий в холопском усердии посылает своему барину в Курляндию описание, как прежде у него крестьяне скопом лес воровали. Вице-губернатор Дирин, на основании этого письма, дает телеграмму новгородскому губернатору, что у него крестьяне воруют лес скопом и чтобы он защитил его. Последний шлет телеграмму старорусскому исправнику, с приказанием принять меры и усмирить бунтовщиков. Незнающий ничего исправник перепугался на-смерть, тою же ночью собрал полицейских и выехал усмирять бунтовщиков. Подъезжает к назначенному месту, — там тишина, вся деревня в глубоком сне, только изредка слышится вой голодной собаки. Через некоторое время вся деревня приходит в движение, собирается в кучу без шапок пред допросом исправника, а через несколько часов губернатор получает телеграмму: «бунта нет, в уезде все обстоит благополучно».

По части классического выражения: «все обстоит благополучно» следует сказать, что в действительности это далеко не так. Минувший год для крестьян нашего края, более всех прочих, оказался тяжелым и разорительным. Бескормица и бесклубица поголовная. Начальство с диким упорством выколачивает подати, но успеха имеет

мало. Голодные и измученные крестьяне чрезвычайно озлоблены. Настроение умов крестьянства благоприятствует развитию в нем самосознания. Крестьяне пытливы стараются разгадать причину своего каторжного житья. Всякая книжка, помогающая раз'яснить эту причину, принимается и читается чрезвычайно охотно и с усердием, — читается на глазах у начальства и последнее ничего не может поделать. В одном селении крестьяне читали такую книжку целым сходом, и она очень понравилась им. Узнав про это, полиция нагрянула в селение, потребовала выдать книжку, но крестьяне ответили: «не видать вам этой книжки, как ушей своих». Так книжка и до сих пор гуляет, переходя из рук в руки, словно молитвенник. Следует еще отметить, что начальство становится ласковым по отношению к крестьянам. В одном городе крестьяне принесли исправнику картинку о современных социальных порядках, прося раз'яснить, что эта картинка означает. Исправник, по выражению самих крестьян, сделался шелковым и все твердил: «братцы, не бунтуйте, не деритесь, обращайтесь за всем к начальству». Крестьяне это обращение понимают и смекают.

Борисоглебский у. (Тамбовск. губ.). 21 декабря были произведены обыски в Уваровской земской школе, в больнице и в квартире земского учителя Трескина. Кроме Трескина, у которого была найдена кое-какая рукописная литература, обыски ничего не дали. Так как в это время сам Трескин гостил у своего отца, священника села Чуево-Алабушки (в 20 в. от Уварова), то был произведен обыск и там. Обыски опять не остались безрезультатными, и Трескин был отправлен в Тамбов. Обвиняется Трескин в том, что на одном из публичных чтений в школе он прочел крестьянам сказку о царе Ахреяне. Донос был сделан местным священником о. Яхонтовым, который перед этим посылал своих шпионов на чтения.

К этому делу, в качестве свидетельницы, была привлечена учительница Петрова, но когда жандармы сказали ей, что Трескин всю вину взял на себя, то она призналась в том, что половину этой сказки читала и она. Этим признанием она думала снять половину вины с Трескина, а следовательно, уменьшить ему и наказание. Теперь она привлекается к делу уже в качестве обвиняемой.

Интересная подробность: на допросе жандармский полковник, между прочим, сказал Петровой, что она, как интеллигентная особа, имеет право держать у себя литературу, но только для личного чтения, а не для распространения среди крестьян.

Одновременно с уваровским обыском были произведены обыски в с. Шибряе, у земских учителей. Обыски объясняются доносами Рклицкого, прославившегося столкновением с шибряевскими крестьянами. Всего в обысках участвовало около 25 жандармов.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ст. Панютино (К. Х.-С. ж. д.). Наши порядки. Дорога наша принадлежит казне. Не знаю, где лучше служить, на частной или казенной дороге, но знаю, что нам житья нет. Особенно достается у нас помощникам и машинистам. Наш маршрут Харьков, Синельниково и Славянск. Между каждыми двумя поездками должен быть восьмичасовой отдых, но в настоящее время, по случаю усиленного движения, его сократили до 2 час. и менее, так что машинистам и помощникам приходится прямо с поезда на поезд. Через каждые пять поездов полагается отдых в 36 час. или поставить, как говорят, паровоз «на простывку». Теперь часто паровоз ставят на отдых, а людей посылают на другом паровозе. Если же и дают отдых, так не 36, а 20 или менее. Посчитаем же, сколько придется отдыхать машинистам и помощникам. Приехав на место, нужно сейчас же пойти «под воду», затем «под уголь»; на это уходит не менее двух часов. Затем нужно отправить

паровоз в депо. Здесь нужно почистить арматуру, движение, почистить медные части, везде просалить и промаслить, осмотреть паровоз со всех сторон, нет ли где починки. На все это уходит 8—10 час. Перед тем, как выехать, нужно растопить паровоз, приготовить его к поездке, для чего нужно, самое меньшее, два часа. Таким образом, из 20 час. действительного отдыха остается 6—8 час. Всем известно, что товарные поезда стоят подолгу на всех станциях и раз'ездах. Часто нам, например, до Синельникова (расстояние 92 версты) приходится ехать больше трех суток. Стоишь на каждом полустанке от 6 ч. и более; отлучиться от паровоза нельзя: паровоз нужно топить, чтобы во всякое время быть готовым в дорогу, конечно, в такую поездку угля уходит больше, чем полагается по расписанию, а за «пережог угля» высчитывают с машинистов и помощников. Недостаточно того, что они по трое суток пропадают в степи, не видят живого человека и не получают поверстных, с них вычит за пережог угля. Но это еще не все. Кто больше определенного времени был в дороге, тот не имеет права пользоваться отдыхом. Это покажется лишенным всякого смысла, но, к сожалению, это так.

Администрация наша всеми силами проводит систему «выжимания пота». Еще один пример. Недалеко от Славянска есть раз'езд № 15. Отсюда на расстоянии нескольких верст дорога идет в гору. Один паровоз не в состоянии тащить поезд на гору, поэтому сзади идет еще один и подталкивает поезд. Паровозы эти называются «толкачами». Администрация дороги обязана здесь держать два дежурных паровоза, которые и исполняют это. Показывая в отчете расход по содержанию двух паровозов и штата к ним, администрация дороги их там не держит, а сбережения прячет в свои бездонные карманы. Но ведь «паровозы-толкачи» нужны, а потому практикуется следующий способ: все паровозы из Славянска (товарные) задерживаются на 15-м раз'езде. Здесь они ждут несколько часов, пока придет товарный поезд, подталкивают этот поезд до следующей станции, возвращаются назад и только после этого отправляются во-свои. На все это уходит от 6—8 час., которые пропадают совершенно непроизводительно, конечно, для помощников и машинистов, а не для железнодорожной администрации. Куда ни взглянуть, всюду эксплуатация на законном основании. — Посылаю также первую распространенную у нас прокламацию, успех которой был громадный. Все читали и были довольны, что нашлись люди, не постеснявшиеся обнаружить злоупотребления администрации. Прокламации эти попали также в окрестные деревни, где встретили сочувствие. Вся беда, что у нас литературы почти ничего нет, а между тем, она необходима.

Один из многих.

От редакции. Полученная нами прокламация превосходно издана Екатер. Ком. Росс. С.-Д. Р. П. в его типографии и подписана «Организованные рабочие Панютинской жел.-дор. мастерской». Прокламация описывает тяжелое житье рабочих и бессовестную эксплуатацию их, зовет к товарищескому единению их и заканчивается восклицаниями: «Да здравствует солидарность среди рабочих! — Долой царское правительство, правительство насилия и произвола, правительство хищников и грабителей! — Да здравствует Земский Собор из выборных от всего народа, издающий законы и управляющий страной!».

Движение среди приказчиков Одессы. 5 янв. здесь вышла следующая прокламация, подписанная «Организованные приказчики»:

«Товарищи! Новый год ознаменовался уже новым проявлением нашего духовного порабощения!.. Вам, вероятно, уже известно, что 2 января в магазине Ландесмана приказчик Бродский отравился нашатырным спиртом. Случайно его удалось спасти и в настоящее время он помещен в больницу. Как оказалось, сын Ландесмана, «современный либерал», утром позвал Бродского в контору, дал ему пощечину... Преступление товарища заключалось в том, что в день Нового года он, желая пополнить свои скудные средства, воспользовался штемпелем фирмы Ландесмана для поздравительной карточки, предназначенной кредитору магазина. Бродский смыл с себя пятно позора

самоубийством... Товарищи! Можем ли мы смотреть на этот факт, как на единичный случай? Не приносит ли нам наша будничная жизнь тысячи таких примеров оскорбления, топтания в грязь нашей человеческой личности? Принизить, подавить в нас всякое сознание своего «я», привести нас к потере самоуважения, создать безответного, пассивного к обидам, неспособного на самозащиту человека-слуги — вот цель всех капиталистов для облегчения своей цели — эксплуатации. Вот что они преследуют своим невероятно грубым обращением с ними. «Как, — удивляется даже г. Ландесман, узнавши о поступке Бродского, — как мог я думать, что такой мальчишка, который еще должен добиваться своей карьеры, будет способен на самоубийство из-за оскорбления его чести!». Пройти школу пощечин, последних ругательств и обид — это значит на языке Ландесманов «создавать себе карьеру»! Привыкшие к нашей безответности, они даже удивляются, что мы способны чувствовать наносимые нам оскорбления, как люди, и предпочитаем им смерть... Но вы ошиблись, гг. Ландесман и К^о. Уже и мы, одесские приказчики, начинаем пробуждаться от тяжелого сна. Мы страхи́ваем с себя то непростительное равнодушие к нашему положению, которое до сих пор нас отличало. И мы приветствуем поэтому поступок товарища Бродского, — поступок, который так ярко нам говорит о пробуждающемся человеке и в приказчике. Но, приветствуя его пробуждение, мы должны сказать, что не молчалием, не самоуничтожением мы должны отвечать на подобные дикие выходки всех наших врагов. Сопротивление, сопротивление тут же, на месте, всегда и повсюду, где бы и от кого бы оскорбление ни исходило, от хозяина ли кулака, от царского ли чиновника-самодура, — вот наш ответ этой кулачной расправе! И не только оскорбление со стороны оскорбляемой личности; стойкая поддержка, заступничество за честь наших товарищей — нравственная обязанность каждого из нас. Но мало уметь защищать себя от поношений, надо уничтожить и самую возможность подобного насилия над человеком. И только совместная организованная борьба в рядах пролетариата может внушить нашим врагам уважение к нашей личности и ее священнойшему праву — неприкосновенности. Она одна освободит нас от оков капитала и, искоренив весь гнет и произвол современного общества, приведет в царство справедливости и свободы — царство социализма.

В Кишиневе образовался «Комитет Кишин. с.-д. организации». В прокламации «К товарищам» он сообщает об этом и намечает широкую программу работы. Комитетом выпущена также печатная прокламация (декабрь 1902 г.) по поводу ростовских событий. Прокламация подводит итоги вооруженной борьбе нашего правительства с народом, кровопролитиям в Риге и Ярославле, в Домброве и Батуме, в деревнях и рабочих кварталах, и зовет рабочий люд на борьбу с «преступным правительством», на свержение «проклятого самодержавия». — Тем же комитетом выпущена от 18 дек. печатная прокламация по поводу «несчастливого случая» на фабрике Двантмана: «Слабого 14-летнего мальчика хозяин заставил надеть на движущийся вал пас, и вот его, неопытного, ослабевшего, захватывает трансмиссией, и в одну секунду живой человек превращается в бесформенную грудку мяса... Хозяева жалуют лишний грош, чтобы хоть сколько-нибудь оградить дешевую жизнь рабочих... Вот Двантман, когда по его вине погиб мальчик, запер на ключ всех своих рабочих, а сам побегал поговорить, попросить, кланяться, купить кого надо, — и все вышло чинно и благородно». Прокламация обстоятельно разъясняет связь этого случая со всем современным капиталистическим строем и зовет к борьбе за социализм. Обе последние прокламации были распространены очень удачно.

Новороссийск. Забастовавшие здесь рабочие стали уже на работу. Стачка продолжалась всего пять дней. Дело обошлось без кровопролития. Бастовали рабочие цементного завода, некоторые требования рабочих удовлетворены.

Батум (из частного письма). С 9 декабря 1902 г. здесь большая стачка. Забастовало 1500 чел. раб. на промыслах у Ротшильда. Требуют, между прочим, возвращения всех штрафных денег и наградных к Рождеству, в размере месячной заработной платы. Сообщает об этом крупный служащий в конторе промыслов. Как близко стоящий к делам предприятия, добавляет от себя, что штрафных денег накопилось около 600 тыс. руб. По его словам, предприятие считает требование вернуть подобную сумму безумием. 21-го все рабочие уволены. В конторе дежурят солдаты. Решено не принимать назад ни одного выгнанного рабочего и набрать совершенно новый состав. Среди стачечников появляются предатели: выдают вожakov, надеясь заслужить прощение.

Рига. На Рождество, во время богослужения, у нас во всех церквях были распространены прокламации от соц.-демократ. Прибалтийской рабочей организации. Пасторы, узнав про это, с кафедр «громили» социалистов и тем оказали нашим агитаторам большую услугу. Массы народа, ранее не тронутая социалистической пропагандой, заинтересовалась узнать, какие такие люди эти «социалисты» и чему они учат?.. В городе много разговоров и о распространенной прокламации и о пасторской «пропаганде».

«Сим победиши!» (Письмо в редакцию.) Так заканчивается передовая статья в № 29 «Искры». Каким глубоким смыслом, правдой веет от этих слов. Правдой, вытекающей из самой жизни. Еще раз разбираясь в результатах ростовской стачки, в этих только что полученных нами уроках — богатых уроках! — невольно хочется вскрикнуть: товарищи-рабочие, за нас никто не заступится, кроме нас самих! Да и некому заступиться, потому что интересы нашего рабочего класса противоположны другим группам населения. Что им до нас! И потому не очевидно ли вам, товарищи, что только в социализме наша сила! Под его свободными красными знаменами с требованием политической свободы, равенства и справедливости, мы, организованная Рабочая Партия, страшны современному царскому правительству. Товарищи, вы видели, как наше царское правительство усердно заступилось за ростовских фабрикантов и за правление ж. д. Вы видели, как оно отнеслось к нашим требованиям об улучшении условий труда и платы, как оно запрещало нам сообщать об обсуждать наши дела! Самодержавное правительство и не могло поступить иначе, товарищи, оно не могло уступить нам. Ему это невыгодно. Потому уж очень ему выгодно на нашей спине. Куда и как привольно всем тем полковникам, офицерам, с царем во главе, проживать на хорошем жалованьи, ничего не делая, благо русский народ темен, покорно голодает, покорно платит большие подати. Вот и выходит: уступи нам — значит, прощай теплые места, даровые денежки. Потому наше царское правительство и подавило стачку оружием.

Но настанет время, когда оно не в силах будет это делать. И это время наступит тем раньше, чем чаще у нас будут стачки и демонстрации, подобно ростовской. Сколько тысяч из нас, мало думающих над своим политическим положением, увидели, что наше благополучие немислимо без политической свободы. Потому только оно может защитить нас от царских пуль и нагаек, принуждающих нас покорно работать по несходным нам ценам, на тяжких условиях. Это правительству на руку: чем покорней мы, тем больше выжмут из нас капиталисты, тем больше перепадет и на долю правительства.

Итак, стачки и демонстрации для нас очень полезны. Они осаживают чересчур жадные аппетиты капиталистов, вынуждают правительство играть в-открытую, из чего видно, что нам от него ждать нечего и чем скорее ему капут, тем лучше для нас. С каждой такой стачкой или демонстрацией нашего полку будет прибывать все больше и больше и, наконец, наступит то время, когда будут уничтожены грозной, справедливой силой рабочего народа царь со своей ордой чиновников-палачей. Через несколько месяцев наступит наш праздник «первое мая», праздник рабочего класса. В этот день те, кто хочет лучшей участи в жизни, те, кто хочет с нами бороться за свободу рабо-

чего класса, должны не работать, должны показать мирной демонстрацией, как велика, как могуча наша рабочая рать. Но мы должны также не забыть погибших товарищей в ростовской стачке. Общим протестом, все русские рабочие, должны мы выразить нашу ненависть царскому правительству за пролитую кровь товарищей-борцов за нашу свободу.

Босьяк.

ИЗ ПАРТИИ

Письмо в редакцию. В заявлении Центрального Комитета Бунда Организационный Комитет обвиняется в том, что не исполнил обещания своего делегата, данного предварительно Ц. К. Бунда — прислать извещение о конституировании О. К., чтобы Ц. К. Бунда мог принять участие в редактировании этого заявления обязательно до распространения его. Это фактически неверно. Делегат О. К., узнав из личных переговоров с представителем Ц. К., что, несмотря на письмо, посланное Ц. у К. у Б. по данному Ц. К. адресу с извещением о времени и месте совещания, несмотря на то, что это же извещение, для большей верности, было передано лично одному из Комитетов Бунда с просьбой передать Ц. К., — все же не получил извещения, заявил, что он сделает попытку, если еще возможно, чтобы Ц. К. Бунда мог ознакомиться с текстом «Извещения» до его выхода и дал бы свою подпись в случае согласия. При этом представителю Ц. К. было указано, что если почему-либо этого сделать будет уже нельзя, то это никоим образом не может служить препятствием для дальнейших совместных действий и не устраняет нисколько возможности участия Бунда в работах по подготовке съезда Партии. Таким образом, об обязательстве не выпускать «Извещения» до просмотра его Ц. К. Б. не могло быть и речи. Зачем понадобилось представителю Ц. К. извращать смысл слов делегата О. К., а Ц. К. Б. не проверив их более объективным путем, возвестить всему миру, что его изобидели, мы не знаем, — может быть, это необходимо для дела объединения.

Делегат Орг. Комитета.

На Кавказе появилась новая соц.-дем. организация: «Союз армянских социал-демократов». Союз этот, как нам известно, более полугода как начал свою практическую деятельность и имеет уже свой орган на армянском языке. Нами получен № 1 этого органа, называемого «Пролетариат» и помещенного в заголовке: «Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия». Он заключает в себе ряд статей-заметок и корреспонденций, выясняющих общественные и политические условия, вызвавшие к существованию «Союза армянских социал-демократов» и намечающих, в общих чертах, программу его деятельности.

В передовой статье, называемой «Манифест арм. соц.-дем.», мы читаем: «Являясь одной из ветвей Росс. С.-Д. Р. П., широко раскинувшей свою сеть на всем пространстве России, Союз арм. соц.-дем. вполне с нею солидарен в своей деятельности и будет бороться вместе с нею за интересы российского пролетариата вообще и армянского в частности». Далее, указывая на быстрое развитие капитализма на Кавказе и на те чудовищные, по своей силе и многосторонности, результаты, которыми сопровождается этот процесс, авторы переходят к вопросу о современном положении рабочего движения на Кавказе. В промышленных центрах Кавказа, каковыми являются Бакв, Тифлис и Батум, с их крупными капиталистическими предприятиями и многочисленным фабричным пролетариатом, движение это пустило уже глубокие корни. Но борьба кавказских рабочих с хозяевами, в виду их крайне низкого культурного уровня, естественно, носила до сих пор более или менее бессознательный, стихийный характер. Необходима была сила, которая могла бы объединить разрозненные силы рабочих, придать их требованиям членораздельную форму и выработать в них классовое самосознание. Такой

силой является социализм. — Изложив затем вкратце основные положения научного социализма, Союз выясняет свою позицию по отношению к современным течениям в международной и, в частности, русской соц.-демократии. «Осуществление социалистического идеала, — говорится в манифесте, — немисливо, по нашему мнению, ни экономической самостоятельностью рабочего класса, ни частичными политическими и социальными реформами; оно возможно лишь посредством коренной ломки всего существующего строя, посредством социальной революции, необходимым прологом к которой должна служить политическая диктатура пролетариата». Далее, указывая на существующий в России политический строй, как враждебный всякому общественному и в особенности рабочему движению, Союз заявляет, что он ставит своей ближайшей задачей политическое воспитание армянского пролетариата и приобщение его к борьбе всего российского пролетариата для свержения царского самодержавия. Не отрицая вполне необходимости частичной экономической борьбы рабочих с хозяевами, Союз не придает ей, однако, самостоятельного значения. Он признает эту борьбу, поскольку она улучшает материальное положение рабочих и способствует выработке в них политического самосознания и классовой солидарности.

Особенно интересным для нас является отношение Союза к национальному вопросу. «Принимая во внимание, — говорится в манифесте, — что в состав русского государства входит много различных народностей, находящихся на разных ступенях культурного развития, и полагая, что только широкое развитие местного самоуправления может обеспечить интересы этих разнородных элементов, мы считаем необходимым в будущей свободной России учреждение федеративной (кврсив наш) республики. Что же касается Кавказа, то, имея в виду крайнюю разнородность его населения, мы будем стремиться к объединению всех местных социалистических элементов и всех рабочих, принадлежащих к различным национальностям; мы будем стремиться к созданию единой крепкой соц.-дем. организации для более успешной борьбы с самодержавием. В будущей России мы признаем за всеми нациями право на свободное самоопределение, так как в национальной свободе мы усматриваем только один из видов гражданской свободы вообще. Исходя из этого положения и считаясь, как мы указали выше, с разнородным составом Кавказа и с отсутствием географического разделения между отдельными племенами, мы не находим возможным внести в нашу программу требование политической автономии для кавказских народностей; мы требуем только автономии относительно культурной жизни, т. е. свободу языка, школ, образования и т. п.»

Мы от всей души приветствуем «Манифест» Союза арм. соц.-дем. и особенно замечательную попытку его дать правильную постановку по национальному вопросу. Было бы весьма желательно, чтобы эта попытка была доведена до конца. Два основных принципа, которыми должны руководиться все соц.-дем. России в национальном вопросе, намечены Союзом совершенно правильно. Это, во-первых, требование не национальной автономии, а политической и гражданской свободы и полной равноправности; это, во-вторых, требование права на самоопределение для каждой национальности, входящей в состав государства. Но оба эти принципа не вполне еще последовательно проведены Союзом арм. соц.-дем. В самом деле, можно ли, с их точки зрения, говорить о требовании федеративной республики? Федерация предполагает автономные национальные политические целые, а Союз отказывается от требования национальной автономии. Чтобы быть вполне последовательным, Союз должен устранить из своей программы требование федеративной республики, ограничиваясь требованием демократической республики вообще. Не дело пролетариата проповедывать федерализм и национальную автономию, не дело пролетариата выставлять подобные требования, неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное классовое государство. Дело пролетариата — теснее сплачивать как можно более широкие массы рабочих всех и всяких национальностей, — сплачивать для борьбы на возможно более

для громадного большинства действующих социал-демократов основные партийные задачи представляются вполне выясненными.

Нами получен № 2 Киевского С.-Д. Лист. от 9 дек. 1902 г., содержащий две статьи. Первая — «Движение ж.-дор. рабочих» — дает общий свод последним известиям о движении ж.-дор. рабочих в Ростове-на-Дону, Тихорецкой, Новороссийске, Екатеринодаре, в Сибири, и характеризует зверскую политику правительства по отношению к бесправному рабочему люду. Вторая статья представляет из себя письмо раб. из мастерск. Ю.-З. ж. д., дающее яркую картину той бездны угнетения, в которую погружены рабочие; в нем обрисовано то ужасное положение, когда «честь, свобода и совесть человека зависят от какой-нибудь мелкой сошки и обер-шпиона, вроде мастера Голембиовского, самодержавного начальника над сотнями людей».

Листок издан очень хорошо в типографском отношении. Заметим, со своей стороны, что вышеозначенное содержание «Листка» делает из него чрезвычайно удачно составленную прокламацию к рабочим, обобщающую данные о движении рабочих различных местностей в известной отрасли промышленности и пытающуюся вызвать соответствующее движение и в Киеве. Пожелаем успеха Комитету в издании подобных прокламаций, которые, по нашему мнению, совершенно необходимы для оживления, расширения и углубления местной работы.

С 14 декабря по 18 января вышло еще пять номеров того же «Листка» с разнообразным содержанием. Отметим статьи: «Памяти декабристов», «Ценное признание ген. Драгомирова», «К евреям-рабочим». Кроме того, Киевский Комитет издал еще листки: «К рабочим южно-русского завода», «Ко всем типографщикам», «К юбилею ген. Новицкого» (перепечатываем его выше) и Отчет Комитета за сентябрь — ноябрь. — За время с 1 июля по 1 декабря Комитет выпустил 15 воззваний, в 11.460 экз. Доход Комитета за время от 1 сент. до 1 дек. составил 1.320 р. 15 к., расход — 1.622 р. 15 к.

Организационным Комитетом партии издана прокламация «Ко всем русским рабочим и работникам», заключающая рассказ о ростовских событиях и освещающая их значение. Прокламация напечатана в типографии О. К.

«Ю ж н ы й Ра б о ч и й», организация которого теперь объединилась с нашей, вышел десятым номером.

Печатную прокламацию издала Елисаветградская организация по поводу ростовских событий.

Екатеринославским Комитетом выпущена прокламация «К еврейским рабочим», весьма удачно составленная.

Николаевский Комитет возобновил газету «Наше Дело», выходившую в конце 1897 г. от имени тогдашней Николаевской группы социал-демократов. Комитетом изданы (печатно) №№ 4, 5 и 6 газеты.

Петербургским Комитетом партии издан и распространен листок (от 3 янв. 1903 г.) «Двухсотлетие позорной печати». В листке клеймится позорная система цензуры, существующая в России, описывается борьба за свободное слово (начиная с Радищева и продолжая Герценом), широкое развитие революционной печати в последнее время и делается призыв к борьбе за свободное слово, за уничтожение самодержавия. Другая прокламация издана Комит. по тому же поводу гектографским способом. Тем же Комит. изданы семь «Листков Раб. Мысли» и прокламация «Царь в Курске».

Воронежский Комитет Росс. С.-Д. Р. П. издал печатную прокламацию «Ко всем воронежским рабочим» по поводу известного ареста Мартынова и Бунакова. Прокламация очень толково, просто и ясно рассказывает о наших политических порядках, о содержании «преступных» речей арестованных, об эксплуатации и угнетении рабочего народа в России, и призывает к борьбе за политиче-

скую свободу в рядах Росс. С.-Д. Р. П. Приветствуем прекрасный почин Воронежского Комитета в широкой политической агитации!

Донским Ком. выпущена прокламация «О самодержавии».

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Нижний-Новгород. Январь. На-днях были аресты среди рабочих (в Канавине, на другом берегу Оки). Арестованы также некоторые интеллигенты: Позняк, Никифорова, Бродская, Геринг и мн. друг. Среди интеллигентов попались многие сионисты. — Ростов-на-Дону. 31 дек. выпущены из тюрьмы Рейсман (выслан в Екатеринослав), Охнянский, Миндлин (тоже в Екатеринослав). Кроме того, Котелевец, Шпитальный и Тавлинов (взяты в Азове). Сидят: Серебряков (инт.), Скоробогатый (раб.), Синицин (раб.) и Анна Зиммель (инт.) по приговору из Либавы. 24 декабря было 8 обысков. — Одесса. Сидевшие по севастопольскому делу о распространении нелегальной литературы Я. Бейзерман, Мойс. Шулькройт и Сергей Андреев посланы на 5 л. в В. Сибирь. Высланы туда 6 января. 17 янв. из одесск. тюрьмы выслано 20 чел. (в том числе К. Захарова и еще две женщины), куда — неизвестно. Через несколько дней ожидалась высылка остальных, сидящих с февр. прошл. года. 17 и 18 янв. были большие аресты. — Киев. 10 дек. арестован врач Фрумин (отвезен в Петербург), 17 пом. пр. пов. С. Волоевич (выпущен 23-го), 23 рабочие, А. Лола и Н. Барановский. В ночь с 1 на 2 янв. арестовано несколько рабочих на Степановской улице, а в следующую ночь — около 12 рабочих в других местах. Согласно отчету Киевск. «Красн. Креста» в течение минувшего года в киевских тюрьмах перебивало 453 (четыре ста пятьдесят три) человека, которые вместе просидели 28.368 дней, или 77,7 лет. В 1901 г. число заключенных составляло 285, число дней ареста 14.335, или 39,27 лет. Вместе с числом арестуемых растет и среднее число дней ареста, приходящееся на одного (в 1901 г. — 50, в 1902 г. — 62, и это несмотря на то, что десять бежавших в августе «похитили» у тюремного чудовища около 500 дней — считая до конца года). По месяцам число заключенных колебалось от 25 (в январе) до 255 (в феврале) и 205 (в апреле). Все это в отчете «Кр. Кр.» воспроизведено на очень интересной картограмме. Желательно, чтобы другие общества помощи заключенным также подробно регистрировали борьбу жертв революционной борьбы. — Рязань. По предписанию из Симбирска был обыск у рабочего Гольцмана.

Орел. В конце января в Орловском у. был арестован учитель земской сельско-хоз. школы Александр Акуратов, привезен в Орел. У народного учителя Скворцова и его брата-семинариста были обыски. Семинарист под домашним арестом. Обвиняются в распространении прокламаций среди крестьян. — С.-Петербург. Арестован Федор Шипулинский, медичка Фокарева, лес. Алексеев, инт. Грожан, был обыск у Хмелевцева. — Новгород. Арест. М. Ю. Гольдштейн.

Бежал удачно из Омска ссыльный В. Вановский (бывш. офицер), который с 1892 г. почти непрерывно переходит из тюрьмы в ссылку.

Из Сибири сообщают о благополучном бегстве из Нижнеудинска Арона Сольц и работницы Зевин. Оба привлекались по делу «Раб. Знамени» и «Раб. Библиотеки». Оба находятся за границей.

Приводим главные места из обращенного к нам неизвестным нам товарищем письма, которое еще раз поднимает один из действительно больных вопросов нашей практики.

«Товарищи! Мы хотим предложить вам одну меру, которая кажется нам весьма важной для русской практической революционной деятельности. Вы, наверное, согласитесь с нами, что русские революционеры в массе не обладают большой конспиративностью, большим практи-

ческим чутьем. Частые провалы, частые массовые аресты, крупные поражения пропаганды в отдельных городах, парализование деятельности революционеров на продолжительное время вместе с крупной потерей людей, связей и средств, имели причиной очень часто какое-нибудь непростительное легкомыслие одного из участников дела, напр., излишнюю откровенность, вернее, болтливость, которая имела следствием то, что предмет строгой тайны становится известным улице. Революционеры, в большинстве случаев, народ молодой, относятся недостаточно благоразумно, недостаточно обдуманно к своему практическому делу... Такое поверхностное отношение к делу станет понятным, если мы вспомним, что молодому революционеру буквально неоткуда набраться революционной практической мудрости, так как опытных революционеров в России всюду весьма немного, и эти вне возможности руководить всеми действиями своих молодых товарищей; затем, в большинстве случаев молодые совершенно вне влияния опытных революционеров. В нелегальной литературе, насколько нам известно, совершенно нет руководств или книжек с изложением конспиративных правил, добытых долголетним опытом русской революции. Издание такой книжки и ее широкое распространение в России и за границей — в русских колониях — было бы чрезвычайно полезно. Вспомните завещание А. Михайлова. Эти краткие, выразительные правила драгоценного революционного опыта почти совершенно неизвестны, а между тем тот факт, что Михайлов, этот удивительный организатор, в своем завещании излагает почти исключительно правила конспирации, говорит сам за себя. Краткость и сила этих заповедей также очень характерны. Необходимо, наконец, позаботиться об исполнении его завещания, т. е. прежде всего о широком распространении его правил. К этим могут и должны присоединиться и другие правила, приуроченные к условиям рабочей и студенческой жизни... На-ряду с такими правилами брошюры, обстоятельно трактующие о практике революционного дела вроде книжки, изданной Союзом: „Как держать себя на допросах“, крайне небохотимы».

Заметим, с своей стороны, что одним из лучших средств распространения в массе конспиративных правил является ознакомление в деталях с историей русского революционного движения. Далее, совершенно незаменимы в нашем деле личное воздействие на молодежь со стороны профессиональных революционеров и систематизация этого воздействия (вроде обязательного чтения рефератов на эту тему в рабочих и студенческих кружках, обмен между организациями выработанной практики подбора и «искуса» членов и т. п.). Наконец, и издание брошюры о правилах поведения тоже очень желательно, ибо поразительно быстрый рост нашего движения вширь исключает всякую мысль о возможности ограничиться одним личным воздействием. Не как единственное или главное средство, а как одно из средств, — такая брошюра сыграла бы, несомненно, свою роль. Может быть, следовало бы начать прямо с перевода или переделки той брошюры на эту тему, которая имеется в польской литературе.

А. О. Либрехт (некролог). Весной этого года умер в Сухум-Кале от туберкулеза Александр Осипович Либрехт. Покойному было всего 20 лет с небольшим. 1 марта 1901 г. он был арестован, в числе прочих, по делу Московского Комитета партии. На квартире у него нашли

(спрятанные под полом) мимеограф, прокламации и рукописи первого номера предполагавшегося к изданию социал-демократического журнала «Рабочее Слово». Улик этих оказалось достаточно для того, чтобы продержать его в тюрьме 9 месяцев. Тюрма сломила его силы и здоровье: он вышел из нее обреченным на смерть. Еще одним верным товарищем стало меньше, еще одним именем больше в синодике мучеников русской свободы... Пусть же будет легка ему земля, а мы — живые — будем бороться за то дело, за которое он погиб!

Киевский Комитет объявляет предателем булочника Ивана Точилова, арестованного 22 июля 1901 г. и оговорившего Шнапера и булочника Эбергарда, арестованного 30 нояб. 1902 года.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

От ред. Отлагается до след. ном. ответ на № 105 «Посл. Изв.» Бунда, так как прокламация Екатеринославского Комитета партии, вызвавшая гнев Бунда, получена нами, к сожалению, слишком поздно.

Лекарству. Письмо получено. Ключ и адрес переданы. Очень рады. Пишите.

А. И. Письмо об аграрной программе получено. Дайте адрес для ответа.

Господам а, б, с, d. Объяснившийся с вами «Питэр» действительно находится в связи с нашим представителем в городе «СП» и вполне компетентен устанавливать, кто не принадлежит к орган. «Искра» в этом городе.

Льву Львовичу. Письмо получено и разобрано. Василью. Пора бы написать нам: не имеем от вас ни одного письма.

Заканчивается печатанием и скоро выйдет в свет «Эрфуртская программа» Каутского.

Получено: Чер. Цюрих: из Давоса для Сиб. касс. по лист. № 93 чер. НН 84 фр., отсюда же за литер. 10 фр. и от друга 15 фр., из Ма за лит. 14,77 фр., из Лиона для Сиб. касс. 15 фр. и от N 62 фр. Из Берна экстренный сбор 263 фр. и за лит. 182 фр. Из Парижа в пользу росто-вских стачечников 122,40 фр., из Брюсселя 53,65 фр. и на издание зап. Павлова 18,20 фр. Из «мягкого знака» 154,10 фр., от нового тов. за «И» 20 фр., в п. рост. стач. 15 фр. и от больной Кати из Брюсселя 30 фр. Из Нью-Йорка от местной гр. рев. соц.-дем. 300 долл. От Без-ной 3 руб. Из Женевы: за лит. 53,55 и 90,85 фр., с реф. Плеханова 145 фр. Из Вост. Сиб. 35 р. Из Мюнхена чер. Линдова 30 руб. От Др. Юн. в два приема 1.000 р. Чер. Орг. Ком. перед. рост. стач. от П. 60 р., от Настойчивого из Б. 20 р., на орг. дела 60 р. От земляков 100 р., от А. А. 50 р., «Крысой» получено: 100 р. от Союза Борьбы, 100 р. от Пт., 220 р. от С.С., от «своего» 22 р., от А. С. за №№ 32 р., от приятельницы 10 р., занято Л-во 100 р. Итого 455 р.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу:
Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искра».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Восстания в той части Польши, которая была захвачена царской Россией, возникли вследствие жестокого национального угнетения поляков со стороны царизма. До второй половины XVIII века Польша была самостоятельным государством. После ряда насильственных разделов и переделов (1772, 1793, 1795, 1807, 1809 и 1815 гг.) Польша попала под власть более сильных, чем она, соседних государств (Россия, Австрия и Пруссия). В разделенной между тремя державами Польше развивается национальное движение, приводящее к ряду восстаний. Наиболее крупные восстания в захваченной Российской империей части Польши произошли в 1831 и 1863 гг. Оба эти восстания, несмотря на героическую борьбу повстанцев, были подавлены

с невероятной жестокостью. Восстанию 1863 г. предшествовал значительный подготовительный период, во время которого усиленно работали мелкобуржуазные подпольные революционные кружки, происходили демонстрации, покушения на агентов царского правительства и пр. Непосредственным поводом к восстанию было объявление в январе 1863 г. рекрутского набора в царскую армию, причем в рекрутские списки были включены все участники демонстраций. Во многих местах русской Польши возникли партизанские отряды, действовавшие иногда довольно успешно. Было образовано повстанческое Временное Правительство (Ржонд), которое провозгласило демократические свободы, равноправие вероисповедания и национальностей и обещало наделить крестьян землей. Но классовые противоречия между помещиками и крестьянством, между буржуазией и рабочими и между крупной буржуазией и помещиками, с одной стороны, слабость повстанческих отрядов в боевом отношении и громадный численный перевес царских войск — с другой, привели в марте 1864 г. к полному подавлению восстания. В феврале 1864 г. был рассеян наиболее крупный повстанческий отряд (Босака). Усмиритель восстания Муравьев, прозванный с тех пор Вешателем, расправился с крайней жестокостью со всеми теми, кто имел хотя бы отдаленное отношение к восстанию. Десятки тысяч людей погибли на виселицах, в тюрьмах и ссылке. Поляки массами эмигрировали из страны. Но национальное движение, после некоторого затишья, продолжало свое развитие. На-ряду с ним в конце 70-х и начале 80-х годов возникло социалистическое движение рабочего класса, ставившее своей целью освобождение не только от национального гнета, но и от какого бы то ни было политического и экономического угнетения трудящихся масс. С другой стороны, часть польской буржуазии, сбывавшая с громадной прибылью свои товары на русском рынке, начала приспособленческую политику по отношению к царскому правительству.

П р и м. 2. Катков М. Н. (1818 — 1887) — известный публицист, редактор «Московских Ведомостей». В начале 50 — 60-х годов либерал, позже крайний реакционер. Поступив в 1834 г. в Московский университет, К. сблизился с кружком Станкевича, Белинского, Бакунина и др., с которыми изучал Гегеля. Окончив университет, уехал в Берлин, где вместе с Бакуниным изучал философию. По возвращении в Россию читал в Моск. ун-в. лекции по философии, с 1851 г. стал редактором «Московских Ведомостей», а с 1856 г. — вместе с Леонтьевым издавал «Русский Вестник», журнал либерального направления с манчестерской подкладкой и стремлением к английскому конституционализму. С начала 60-х годов К. начал нападать на «нигилистскую» интеллигенцию и постепенно превратился в ярого защитника самодержавия и националиста. Уже в 1863 г., вторично став редактором «Московских Ведомостей», К. обрушился на поляков за их стремление к национальному освобождению от самодержавной России. В эпоху Александра III он был самым ярким шовинистом-реакционером, «гонителем» инородцев.

П р и м. 3. Потехня А. Ф. — русский офицер, активный деятель общества «Земля и Воля». Принимал видное участие в польском восстании, возглавляя учрежденный им же революционный офицерский комитет в Польше. 4 марта 1863 г. убит в сражении с царскими войсками.

П р и м. 4. «Ташкентцы» — термин, пущенный в ход известным сатириком Мих. Евграф. Салтыковым-Шедриным (1826—1889) в его произведении «Господа Ташкентцы». Термин «Ташкент» был употреблен Шедриным не в географическом, а в отвлеченном смысле — в смысле страны, лежащей всюду где «бьют по зубам и где имеет право гражданства предание о Макаре, телят не гоняющем». Под «ташкентцами» автор подразумевал всевозможных корыстных проводников грабительской обрусительной политики царизма.

П р и м. 5. Муравьев Мих. Ник., граф (1796 — 1866) — усмиритель польского восстания 1863 г. Известен под прозвищем «Вешатель». В молодости своей имел некоторые связи с декабристами, а впоследствии заявил, что он «не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают».

П р и м. 6. Домбровский Ярослав. — Дезертировав из русской армии, 22 л. от роду принял участие в экспедиции Гарибальди. Затем — один из руководителей польского восстания 1863 г. После разгрома восстания — вождь польских социалистов в эмиграции. Один из виднейших деятелей Парижской Коммуны, во время которой был комендантом революционного Парижа и генералом армии коммунаров. Погиб в бою с версальскими войсками 23 мая 1871 г.

П р и м. 7. Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646 — 1716) — знаменитый немецкий философ (идеалист-метафизик) и математик.

П р и м. 8. Буренин В. П. (р. в 1841) — реакционный публицист, писавший в «Новом Времени» и прославившийся грубостью и неразборчивостью в средствах, к которым прибегал в литературной полемике.

П р и м. 9. «Славный род Головлевых» описан М. Е. Салтыковым в его произведении «Господа Головлевы». Одним из центральных лиц в этом произведении является «кровопивушка» Иудушка Головлев, лицемер, сутяга и мошенник.

П р и м. 10. Под буквой Х здесь подразумевается Брагин, незадолго до стачки вышедший из организации. Это был мало-дисциплинированный человек с большой путаницей во взглядах. Когда началась забастовка, Б. выступал на митингах в балке с согласия Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П., произнося блестящие речи на политические темы (см. «Искра» № 29). Но вскоре Б. начал доказывать, что бастующих рабочих необходимо повести на демонстрацию в город. Донской Комитет был против этого, предвидя, что демонстрация рабочих в городе приведет к напрасному избиению рабочих войсками, уже приготовленными властями, и к срыву стачки. Но Б. 5 ноября разбросал на митинге гектографированную прокламацию с призывом идти в город. Руководитель стачки, член Д. К. И. И. Ставский, предложил рабочим порвать прокламации, так как они не имели печати Д. К. Тогда Б. пытался позвать рабочих за собой. Но за ним двинулось несколько десятков человек из пяти или шести тысяч присутствующих. Во всем этом инциденте социалисты-революционеры, не имевшие влияния на рабочие массы, не играли никакой роли и их орган «Рев. Россия» без всяких оснований пытался приписать прокламации своей группе.

П р и м. 11. Амвросий — псевдоним члена Донского Комитета Мочалова, который все время присутствовал на митингах во время стачки и после того, как Брагин, потрясенный расстрелом рабочих, добровольно отдался в руки жандармов, по постановлению Д. К. заменил его.

П р и м. 12. Бурцев Вл. Льв. (р. в 1862 г.) — народник, впоследствии с.-р., в настоящее время один из активных врагов Советской России. В 1885 г. за сношения с народофильскими организациями был арестован и после 2 1/2 лет Петропавловской тюрьмы был сослан в Иркутскую губ., откуда в 1888 г. бежал за границу. За границей издавал ряд народнических журналов и сборников («Свободная Россия», «Народоволец», «За 100 лет» и др.), проповедуя в них террор. После 1905 г., вернувшись в Россию, Б. вместе с Богучарским и Щеголевым основал журнал «Былое». На-ряду с этим Бурцев занялся разоблачением провокаторов (Ландезен-Гартинг, Азеф). Во время империалистической войны стал ярким социал-патриотом и шовинистом. После Февральской революции 1917 г. повел ожесточенную борьбу против большевиков, а с октября 1917 года и против Советской власти, докатившись до активной поддержки белогвардейских генералов (Юденича, Деникина, Врангеля и др.) и иностранной интервенции.

П р и м. 13. «Ника-Милуша» — под этим именем был выведен в фельетоне Амфитеатрова «Господа Обмановы», помещенном в газете «Россия», Николай II. См. «Искра» № 16, стр. 5.

П р и м. 14. Старо-фенноманы (суометарианы) — буржуазная реакционно-националистическая партия. Стремясь к освобождению Финляндии от шведского влияния, старо-фенноманы по отношению к русскому правительству вели политику соглашения, ставя своей задачей замещение постов высшей бюрократии в Финляндии представителями своей партии.

Прим. 15. Брошюра «Рабочее Дело в России» была написана Л. Мартовым и вышла за границей в изд. «Союза русских социал-демократов» во второй половине 1899 г.

Прим. 16. Финская Рабочая Партия была основана на съезде в 1898 г. На втором съезде в 1903 году была переименована в соц.-дем. финляндскую партию (см. «События в Финляндии» в № 48 «Искры»). Партия легально существовала, имела ряд своих газет как на финском, так и на шведском языках и значительное количество своих представителей в Сейме.

Прим. 17. «Последние Известия» — информационный бюллетень Заграничного Комитета Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунда), выходил в 1901—1905 гг. Всего вышло 256 №№.

Прим. 18. Резолюция I съезда гласит: «Организация Союза Борьбы за освобождение рабочего класса группы «Рабочей Газеты» и Общееврейского Рабочего Союза в России и Польше сливаются в единую под названием Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, причем Общееврейский Рабочий Союз в России и Польше входит в партию как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата».

Прим. 19. Начало 900-х годов ознаменовалось пышным расцветом идеалистической литературы. Либеральная и народническая интеллигенция ухватилась за идеализм обеими руками, видя в нем орудие для борьбы с революционным марксизмом. Обоснованию и пропаганде идеализма был посвящен ряд статей в различных журналах того времени и целый сборник, вышедший под названием «Проблемы идеализма».

Против этой волны идеализма энергично выступил издававшийся в Штутгарте теоретический орган Р. С.-Д. Р. П. «Заря», на страницах которого Г. В. Плеханов, Л. И. Аксельрод и др. разоблачали реакционную сущность и ненаучность идеализма.

Прим. 20. Меньшиков М. О. (р. в 1859 г.) — публицист, в 80-х годах сотрудничал в журнале «Неделя», где проповедывал в елейном духе толстовскую мораль. С 90-х годов М. — один из наиболее лицемерных и беззастенчивых сотрудников рептильного «Нового Времени».

Прим. 21. Минский — псевдоним Виленкина Н. М., род. в 1855 г., поэт-переводчик «Илиады» Гомера, философ. В первый период своей поэтической деятельности Н. Минский пытался в довольно плохих стихах отразить общественную жизнь, вводя в свою поэзию гражданские мотивы. Впоследствии перешел к проповеди независимого от общественности «чистого» искусства, мистицизма и крайнего индивидуализма. («При свете совести»). В 1905 г. делает попытку соединить мистицизм с социализмом и на короткое время становится издателем и членом редакции газеты «Новая Жизнь», органа с.-д. большевиков, с которыми вскоре расходится.

Прим. 22. Мережковский Д. С. (р. в 1866 г.) — поэт, критик и беллетрист, автор многих произведений, написанных в духе мистицизма. Начав свою литературную карьеру с гражданских мотивов, Мережковский позже переходит к декадентству, модернизму, индивидуализму и мистицизму. Мистицизм проявляется в целом ряде его крупнейших произведений («Трилогия», «Грядущий Хам», «Не мир, но меч» и т. д.) и в его общественном мировоззрении. В настоящее время Мережковский подвизается в рядах белогвардейской эмиграции, среди которых является одним из злейших врагов Сов. России.

Прим. 23. Розанов В. В. (р. в 1856 г.) — реакционный публицист, критик и философ, защищал православие и проповедывал мистицизм. Написал ряд критических произведений («Этюды о Гоголе», «Легенда о Великом Инквизиторе» и т. д.).

Прим. 24. Бердяев Н. А. (р. в 1874 г.) — видный буржуазный публицист. В 90-х годах состоял членом Киевской соц.-дем. организации, сидел в тюрьме и отбывал ссылку в Вологодской губ. С 1897 г. начинает отходить от марксизма, предприняв вместе с Булгаковым и Струве «критику» учения К. Маркса, продолжает этот отход в своем труде «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» и в «Проблемах идеализма», где он становится на почву идеалистического мировоззрения. Впоследствии Б. переходит к апологии религии и национализма и скатывается, в конце-концов, к неприкрытой реакции.

Прим. 25. Волюнский (псевд. Флексера А. А. (1863—1926) — критик и философ, с начала 90-х годов становится во главе журнала «Северный Вестник». Волюнский искал осуществления индивидуальной свободы в религии, отстаивал идею «искусство для искусства», и являлся одним из самых горячих сторонников декадентства и модернизма в художественной литературе. В философии сторонник идеализма.

Прим. 26. Бауман Ник. Эрн. (1879—1905) — один из наиболее деятельных и талантливых «искровцев». Начав свою социал-демократическую работу в Петербурге в середине 90-х годов, он был арестован за участие в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» и после продолжительного заключения в Петропавловской крепости в декабре 1898 г. был выслан в Вятскую губ. Оттуда через год бежал за границу и там принял участие в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей работы. Неоднократно ездил нелегально в Россию. 11 декабря 1902 г. был арестован в г. Задонске, Воронежской губ., и переведен в Киевскую тюрьму в качестве обвиняемого по делу Киевского Комитета Р. С.-Д. Р. П. и организации «Искры». 18 августа 1902 г. ему удалось бежать из Киевской тюрьмы вместе с 10 тов. соц.-дем. Был делегатом от Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. на II съезде Р. С.-Д. Р. П. под псевдонимом Сорокин, примкнул к большевикам. После съезда приехал в Россию, где в июне 1904 г. был арестован (в Москве) и освобожден лишь 10 октября 1905 г. Через несколько дней — 18 октября 1905 г. Б. был убит черносотенцами. Об аресте Б. см. «Искра» № 20, стр. 19, столб. 2-й.

Прим. 27. Иваншин Влад. Павл., с.-д., работавший в 90-х годах в Петербурге. Осенью 1896 г. вместе с Б. Гольдманом, Потресовым и Тахтаревым активно участвовал в работе «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Будучи вскоре арестован, И., после двухлетнего тюремного заключения в 1898 г., выехал за границу, где стал одним из активнейших деятелей «Союза русских социал-демократов». В конце 90-х и начале 900-х годов И. был крайним экономистом, входил в состав редакции «Рабочего Дела». В № 6 этого журнала он поместил статью «Фабричная инспекция в России», которая вызвала резкое нападение на редакцию «Рабочего Дела» и заставила последнюю заявить, что она не согласна с автором статьи. Впоследствии, в конце 1902 г. и начале 1903 г., И. разошелся с экономистами и принял точку зрения «Искры». Вскоре после письма своего в № 33 «Искры» он вступил в «Заграничную лигу». Умер в феврале 1904 г. в Париже.

Прим. 28. Так в подлиннике. Повидимому, следовало бы: «судьбу».